

Лис Арден
Алмаз темной крови

Книга 2. Песни Драконов



Лис Арден

**Алмаз темной крови.
Книга 2. Песни Драконов**

«Издательские решения»

2015

Арден Л.

Алмаз темной крови. Книга 2. Песни Драконов / Л. Арден —
«Издательские решения», 2015

Три книги — «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного Дня» — предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира. Что ожидает Обитаемый Мир, если единственные оставшиеся из прежних богов — братья-близнецы, один из которых отказался от участия во всех делах мира, а второй одержим желанием выйти за его пределы, даже если это грозит гибелью всему живому?

© Арден Л., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Золотые тавлеи	10
Глава вторая. Сыновья	21
Глава третья. Танцовщицы Нимы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алмаз темной крови

Книга 2. Песни Драконов

Лис Арден

© Лис Арден, 2015

© Kii Ouraha, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Три книги – «Танцующая судьба», «Песни Драконов», «Дудочки Судного Дня» – предлагают читателю стать свидетелем одной из великих игр, которыми творятся судьбы мира.

Что ожидает Обитаемый Мир, если единственные оставшиеся из прежних богов – братья-близнецы, один из которых отказался от участия во всех делах, кроме увеселений, а второй одержим желанием выйти за четко означенные пределы, даже если это грозит гибелью всему живому? Что ожидает мир, если те, кого считали воплощенным достоинством и честью, убивают подло и хладнокровно? Какая судьба уготована Амариллис, потомку древнего рода, хранящего талисман настолько могущественный, что за ним охотятся даже боги?

Часть первая

Хроники дома Эркина

Ночная дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Красиво, опасно и может завести черт знает куда.

Эркин, старший сын Снорри, орка из Лесных Хоромин, шел быстро и бесшумно – по-другому не умел, но при этом время от времени принимался довольно громко и обиженно сопеть носом. Ему бы себя со стороны увидеть – ну ни дать, ни взять младший братишка-трехлетка, у которого старшие дружки игрушку отняли... может, одумался бы, устыдился, да и повернул бы домой. Но подобное оскорбительное сравнение четырнадцатилетнему Эркину и в голову не приходило, и он шел себе и шел.

По сторонам белой песчаной дороги темнел молодой сосновый лес. Идти было легко, после недавнего дождя песок был влажен и не давился ногами идущего, норовя втянуть их по самые щиколотки. Пахло мокрой хвоей, влажными смоляными стволами сосенок, на опушке поднимающихся немногим выше орочьего роста, свежим холодом майской ночи. Глотнешь такого воздуха – и враз взбодрись, позабудешь про все свои печали, а потом полезут в голову всякие шальные мысли... Мальчишка миновал поляну с тремя причудливо сросшимися соснами, где с незапамятных (для Эркина) времен уцелели остатки землянки. Когда-то она приютила то ли отшельника, то ли колдуна, про которого рассказывали истории либо восхитительно леденящие кровь, либо возмутительно трогательные – в первых он превращался в медведя, пожиравшего заблудившихся детишек, во вторых спасал медведя, попавшего в капкан и благодарный зверь так и ходил за благодетелем на манер кроткой овечки. Эркин ни за что не признался бы себе в этом, но проходя Медвежью Домушку, он невольно ускорил шаг. Дорога уводила его дальше в лес, смутно белея меж стволами сосен, рослых и стройных; если взобраться на верхушку, так можно на длинные зеленые иглы нанизывать серебряный звездный бисер, щедро рассыпанный по небу.

Эркин свернул на хорошо знакомую тропку; идти было недалеко. Вскоре он спускался к одному из здешних лесных озер, которое любил больше всех и где не так давно соорудил себе тайное убежище. Небольшую песчаную нору-пещерку, входом в которую служили огромные корни старой сосны. Там Эркин хранил оружие – свое самодельное и сломанное отцовское, запас сухарей и вяленых яблок, изрядный кусок войлока на случай холодов. И там он отсиживался, если хотел побыть один или выжидал время, пока утихнет отцовский гнев, вызванный очередной его шалостью.

В пещерке было холодно, но Эркин неженкой не был; мальчишка ловко забрался внутрь, почувствовав на лице едва ощутимый отзвук нашептанных им самим охранных слов. В этом он тоже никому бы не признался, в его роду ворожба была чем-то предосудительным, излишним, вроде шелковых подштанников. Это еще девице простительно женихов приманивать или бабке знахарством промышлять; отец, не любивший пустословия и досужих рассказней, истории о колдунах не жаловал, а из всех видов магии признавал только священнодействия своей хозяйки в кухне. Но Эркину было как-то спокойнее, когда он, уходя, чертил пальцем по песку ломаные линии и тихо наговаривал по наитию обретенные слова. Так, ничего особенного... просил место признать его за хозяина и чужому не открываться. Наговор, бывший наполовину игрой, с оглядкой и внутренней усмешкой, наполовину искренним ритуалом, как ни странно, удался.

Усевшись на войлок, Эркин поплотнее запахнул полы куртки, засунул ладони под мышки, уперся подбородком в грудь и начал обижаться. Обида поспешала на тонких дрожа-

щих ножках рядом с ним всю дорогу от дома до пещерки, а теперь, воспользовавшись его молчаливым приглашением, забралась Эркину на плечо и принялась торопливо и горячо что-то нашептывать, будто масло из слов сбивала. А мальчишка только носом посапывал.

– Уж не маленький, это верно. Уж говорил бы сразу, что неуч и невежа, с оружием управляться не умеешь, а в засаде как есть сразу чихать начнешь... или еще что похуже! А то – маленький! Ишь... А ты так ждал этой охоты, так ждал – первой охоты на крыс, на которую сородичи пригласили. Для любого лесного орка такое приглашение высокая честь. Обычно охотники сами управляют так, что любо-дорого (хоть и платят за это своими жизнями), а тут на помощь родичей позвали – видать, дело-то нешуточное. Вот и взяли бы его, он бы этим тварям показал, Эркин же ясно слышал, как приезжий гость сказал отцу – бери с собой, кого сочтешь нужным, охота будет большая, всем дела хватит. И подмигнул ему, Эркину. А отец как ножом отрезал – мал, говорит еще, нос не дорос с крысами воевать.

Эркин, вспомнив эти слова, засопел еще громче. А обидушка, только того и дожидаясь, залопотала еще быстрее и горячее.

– Конечно, если какая животино бестолковая, вроде любимой материной коровы, в лес забредет, так ее Эркина отыскивать посылают, для этого, небось, не мал. И сотню чурбанов сосновых переколоть тоже можно Эркина отрядить. А тут на тебе – нос не дорос... спрашивается, где справедливость?

Мальчишка скрипнул зубами, больно прикусив клыком нижнюю губу. Он сидел неподвижно, уставившись перед собой, стараясь удержать горячие, обидные слезы. Там, снаружи, тихо вздыхало спящее озеро, шуршали шаги осторожных ночных животных. Эркин удрал из дому, когда все улеглись спать, притворившись, будто прихватило живот. Он не очень хорошо понимал, зачем это делает – ну, просидит он ночь в лесу, ну, хватятся его утром... только отец вряд ли оценит этакий подвиг. Но другого способа выразить свое негодование в глупую мальчишечью голову как-то не пришло, и Эркин, старший сын орка Снорри, что из Сосновых Хоромин, повинувшись ударившей в ноги дури, направился в лес. В глубине души (мальчишке казалось, что это место – где-то в животе, по крайней мере, сейчас ныло именно там) он понимал, что поступок его суть осуществленная угроза трехлетнего брата. Тот однажды выпалил: «Вот уйду в лес ночью, меня там волки съедят, небось после этого не будете мне пирога жалеть!»

Он просидел так почти час, слушая сбивчивое лопотание обиды и буравя взглядом темноту. Поскольку обида повторяла одно и то же, ее речи вскоре перестали цеплять Эркина за живое, стали утомительны и неинтересны... а потом и вовсе потянули в сон. Орк свернулся на войлочной подстилке, подложив под щеку локоть, и как только закрыл глаза, тут же и уснул.

Как ему показалось, спал он чуть ли не минуту – ну, самое большее, пять. А потом проснулся от ощущения, будто кто встряхнул его хорошенько за шиворот; Эркин резко вскочил, не сообразив спросонья, где находится, стукнулся головой о низкий земляной свод пещерки, плюхнулся наземь и принялся протирать глаза, отряхиваться от осыпавшегося песка и соображать, что к чему. Проснувшись окончательно, он выглянул наружу – над озером клубились предрассветные сумерки, небо серело. Поежившись от утреннего холодка, заползшего за шиворот, Эркин рассудил, что дома, пожалуй, его вряд ли хватились, так что еще есть время вернуться и попытаться уговорить отца разрешить ему ну хотя бы начистить оружие гостю-охотнику... Орк выбрался из укрытия, смущенно оглянувшись, повторил давешний наговор, торопливо спустился к озеру – плеснуть в лицо пару пригоршней холодной воды и почти бегом поспешил прочь из лесу.

Утренняя дорога и поспешное решение очень похожи друг на друга. Все ясно-понятно, можно больше не медлить... иди вперед, и будь, что будет. Белая песчаная дорога вела орка на опушку леса, откуда было рукой подать до дома. Уже проходя Медвежью Домушку Эркин

почуял запах гари. Он озадаченно покрутил носом – на лесной пожар не похоже, чересчур едко и как-то... незнакомо, что ли. Эркин никогда прежде не слышал подобного запаха. Ветер уносил запах прочь от орка, но тот все же забеспокоился и прибавил шагу. Поворот, еще поворот... сосенки уменьшились в росте, будто весь древесный молодежь выбежал из лесу побегать на лужайке. Увидев над колючими верхушками серое облако дыма, Эркин побежал к дому.

У Снорри из Сосновых Хоромин был славный дом. Крепкие стены, сложенные из сосновых бревен... когда солнце заглядывало в слюдяные окна, они казались золотыми. Лавки, крытые мехами. Сложенный из камня большой камин. Шерстяные полосатые половики. На широком столе – запотевшая крынка с молоком, свежий хлеб, нарезанный толстыми ломтями, сморщенные и сладкие зимние яблоки.

Эркин стоял возле огромной ямы, по краям которой дымились жалкие остатки разбитых в щепу бревен, присыпанные землей. Здесь еще вчера был его дом. Теперь – только дым и пепел. Мальчишка, не понимая и не принимая произошедшего, растерянно оглядывался в поисках того, кто сотворил такое. Но каким же должен быть кулак, чтобы разбить одним ударом крепкий дом, разметать его, как сноп соломы... и каким должен быть огонь, в мгновение ока испепеливший дом и всех его обитателей... Эркин глянул вниз и стал спускаться.

На дне ямы, похожей на воронку, присыпанный землей, лежал камень. Небольшой, всего-то с девчачий кулачок, не более, но было в нем что-то недоброе, чужое... будто круги по потревоженной воде, от него расходились волны слепой, нерассуждающей силы. Он внушал не ужас, а какой-то благоговейный страх, как если бы был осколком солнца...

Орк соображал все еще туго – слишком сильным оказалось потрясение, а от резкого, рвущего ноздри запаха все плыло перед глазами; но если мысли и отказывались виться с привычной быстротой, то чувства оказались попроворнее. Эркин стоял, меряя камень взглядом, ощущая, как сознание заполняет безысходный, беспросветный гнев.

– Убийца!.. – прошипел мальчишка, дрожа все телом и – в этом он ни за что бы не признался – плача. Слезы текли по зеленоватой орочьей коже, смешиваясь с висящей в воздухе бурой пылью... Эркин, презрев накатывающий волнами невыносимый жар, пинал камень, то забивая его каблуком в пережженную землю, то подбрасывая носком сапога вверх. Наконец он отдышался, сплюнул горькую, вязкую слюну и погрозил камню кулаком.

– Что вытаращился? Не про тебя ясный свет... душегуб. Я тебя тут и закопаю, – посулил мальчишка и повернулся, чтобы вылезти из ямы и найти какой ни на есть обломок доски, и засыпать камень пережженной землей – понадежнее, чтобы забить этот невыносимый запах горячей полыни, погасить едкое тление, уничтожившее всю его прежнюю жизнь.

– Пощади... – голос, не старый и не молодой, не мужской и не женский, не человеческий и не звериный, не эльфий и не орчатский, остановил Эркина. Он вздрогнул, оглянулся – никого... орк тряхнул головой и полез вверх.

– Пощади... – от неожиданности Эркин съехал вниз прямо на животе, и остановился. Наклонился и неожиданно для себя самого взял камень в руки, вглядываясь в темную ледяную глубину, словно надеясь разглядеть заточенного духа, подавшего голос.

– Это... ты?.. – Эркин не знал, как обращаться к камню. Первое удивление улеглось, уступив место прежней решимости; по правде говоря, ему было не очень и интересно, с чего это камень заговорил с ним и что он там болтает. Засыпать его, и дело с концом.

– Не надо, прошу... – камень словно прочитал мысли орка, и мальчишке показалось, что он задрожал – Пощади, не губи меня...

– Ты убил всех моих родных. – Спокойно, даже как-то буднично ответил Эркин. – Теперь я убью тебя. Ну, по крайней мере закопаю.

– Я не желал смерти твоим родным.

– Желал – не желал... все едино. Жизнь за жизнь.

– Да будет так. – Камень дрогнул. – Возьми.

– Чего? – способность удивляться не покинула Эркина. – Это ты о чем?

– Возьми мою жизнь. Это единственное, чем я распоряжаюсь сам... – казалось, камень вздохнул, – Я отдаю ее тебе всю. Навсегда. Тебе и твоему роду.

– Зачем ты мне? – и все же Эркин поневоле наклонил лицо, всматриваясь в сердцевинку камня, черный, прозрачный лед.

– Я обещаю служить твоему роду, твоей крови... Эркин. Дам силы выжить там, где погибнет даже надежда. Сохраню твой род, даже если придется поспорить со смертью. Я буду служить тебе и твоим потомкам. И вся моя сила... – внезапно камень потеплел и его темная глубина полыхнула золотым драконьим огнем. Эркин вгляделся и увидел такое... в прозрачной темноте вились языки пламени, сплетаясь в узлы, закручиваясь в спирали, выстраиваясь в невероятные узоры... там, в покоящейся на его грязной ладони вечности, рождались и гибли звезды, резвились, бурлили потоки силы, способные творить миры, сотни солнц осыпались как светлячки с куста, потревоженного неосторожной рукой. Он видел, как свет выплескивается из камня, обливает его ладонь, охватывает пальцы – и капает с них, тяжелыми, гулкими каплями. Мальчишка сопнул носом, вытер слезящиеся глаза рукавом.

– Мне так много не надо. Не справлюсь я.

– Справишься, хозяин. – И камень погас.

Спустя месяц Эркин, которого забрали к себе родичи, раздал братьям двадцать три черных, прозрачных камня, ограненных просто и строго. Хватило как раз на всех старейшин, приглашенных ради такого случая в одно из самых больших поселений близ Края Света. Эркину не пришлось самому раскалывать самородок, камень, угадав мысли мальчика, послушно распался на двадцать четыре продолговатых дольки, как головка чеснока. Недолго думая, Эркин решил отметить камешки рунами, чтобы они хоть чем-то отличались друг от друга. И опять камень послушался его – очертания рун сами проявлялись на гладкой поверхности, словно неведомый резец выводил их четко и уверенно. Двадцать четыре руны... столько же камней. Самый первый, отмеченный огненной Феху, руной первозданного пламени, порождающего и пожирающего миры, Эркин оставил себе. Жизнь за жизнь.

Глава первая. Золотые тавлеи

– Ты и впрямь думаешь, что он успокоился? – этот вопрос не застал ее врасплох; она и сама об этом думала.

– А что ему еще остается? – она невесело усмехнулась, отводя за ухо прядь светлых волос. – Благо нам с тобой, созидającym и неизменным. Я и с одним живым цветком буду счастлива, ты, брат мой, привык охранять границы того, что уже создано. А ему? Что ему здесь делать?

Тишину сада нарушал только плеск воды, стекавшей из расселины в скале по разноцветным камням на каменное ложе ручья. Женщина зачерпнула полную горсть воды и обрызгала куст огненных лилий; в ответ на это растение вздрогнуло, поежилось, стряхивая с листьев холодные капли, и немного пригасило темно-рыжее пламя, вырывавшееся из раскрывшихся соцветий. Этот цветочный огонь, смешиваясь со светом уходящего дня, зажег золотые искры в волосах женщины; она повернулась, заглядывая в лицо собеседнику. Они были настолько похожи, что никто не усомнился бы в том, что это брат и сестра; родство крови выдавали и схожие черты лица, и светлые, закручивающиеся в спирали волосы, и неторопливое изящество движений.

И тут, словно в ответ на ее вопрос, так и повисший в воздухе, раздались радостные, прямо-таки ликующие мальчишечьи голоса.

– Мама! Мама! Ты только посмотри, что отец нашел!

Их дом стоял на самом краю пропасти. Широкие угольно-черные ступени обрывались в воздухе, уходили прямо в бездну, а там, далеко-далеко внизу, ярились океанские волны. Гарм любил прыгать туда – лететь, хохоча, со свистом в ушах, пушечным ядром взорвать жидкое холодное стекло, разбив его на мириады соленых осколков... и наплавать всласть, ныряя до самого дна, закручивая руками воюющие водовороты, выплескивая волну до самого солнца. Потом он, легко оттолкнувшись босыми ногами от океанской пены, взлетал в воздух, поворачиваясь вокруг себя – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока мокрые светлые волосы не взлетали щупальцами разъяренной медузы над его головой. Сделав несколько виртуозно-легких сальто и малость пообсохнув, Гарм взлетал по ступеням на террасу, входил в дом и принимался звать брата. Тот прибегал откуда-то сверху, запыхавшись, с вечным орлиным пером за ухом.

– Держи! – и Гарм протягивал руку, раскрывая доселе крепко сжатые пальцы. В ладони его оказывался то обломок коралла, похожий на когтистую лапу чудища, то кособокая, неправильная жемчужина, потешно отражавшая лица братьев, то раковина, из которой выглядывал рак-отшельник, бранившийся такими словами, что мальчишки помирали со смеху.

Это неправда, что боги любят уют и покой, селятся в тихих обителях где-нибудь на опушке леса, у светлого родника, и ласточки вьют гнезда под крышей их дома. Боги возводят свои дома на острых, клыкастых скалах, обрывающихся в неоглядную пропасть, и поднимают их так высоко, что тучи цепляются и рвутся в лохмотья о шпили башен. Сами стены обители богов кажутся плотью от плоти вековых каменных костей земли; не из тесаного камня, паче кирпича возведены они, но будто вырастают из глубинных недр несущей их тверди, великолепные и несокрушимые. Врата, обращенные на юг, выкованы из жаркого золота и узор на них никогда не пребывает в неподвижности, а между его петлями мелькают юркие саламандры. Из холодного серебра скованы врата, ведущие к северу, хрупкие морозные веточки вырезаны на них и даже летом поблескивают иней. А западные врата ведут в небо, на дорогу птиц и ветров, и створы не закрывают их проем... только гулкое эхо, отталкиваясь от каменных сводов,

кувыркается в воздухе. Восточные же ворота закрыты. Закрыты, замкнуты, запечатаны; охранные заклęcia, принявшие со временем зримую форму замков и засовов, проросли в самую плоть камня, будто корни, вцепились друг в друга крепко-накрепко. Когда-то боги пришли с той стороны неба, откуда начинается свой путь солнце, и не было для них надежды на возвращение.

Сотни просторных, величавых покоев открываются один за другим в доме богов; молодые, еще не вошедшие в силу звезды освещают их. Теплый камень, сухой песок, влажная трава встречают неспешные шаги хозяев; в стенных нишах стоят изваяния дивных существ, держащие в лапах хрустальные фиалы, в которых плещется забродивший сок заката. Огромные залы порой оборачиваются озерами – недвижная водная гладь простирается сразу за порогом, и только изредка залетает сюда особо отважный эллил, сорвать роскошный, благоухающий цветок лотоса для подруги. Много удивительного, страшного и непонятного для смертного взора таится за порогом этих покоев... да только заказан путь в дом богов для слабого человека, покорного смерти и тлению.

Мальчишки мчались наперегонки, сломя голову, так что ветер свистел в ушах; один – высокий, гибкий, черноволосый, другой – чуть пониже, светловолосый и угловатый. Оба были одеты в тонкие белые рубахи, даже не перехваченные поясом, видимо, для большей свободы, и такие же штаны, чуть пониже колен, только у светловолосого на шее висело нелепое ожерелье – нанизанные неровно крупные красные ягоды. За ними шел мужчина, кажущийся еще более высоким из-за худобы, заметно прихрамывающий на правую ногу; у него были короткие темные волосы, торчавшие иглами во все стороны, резкие и ассиметричные черты лица – правая бровь заметно выше левой, правый же угол рта оттянут книзу белесым шрамом.

– Гарм! Фенри! – их мать обернулась, протягивая руки навстречу сыновьям. Они с разбегу налетели на нее, как пара смерчей, и принялись обнимать, толкаясь и наступая друг другу на ноги. – Что такое стряслось, что вы голосите как стая потревоженных павлинов? Сурт? – и она вопросительно заглянула в ртутно-зеркальные, светлые глаза подошедшего мужчины. Но он только улыбнулся торжествующе, пряча находку за спиной.

– Погоди-ка... – и Нима подцепила пальцем ожерелье, болтавшееся на шее Гарма. – Это что такое?

– Мам, смотри! – и ее сын сорвал одну из ягод, сунул ее в рот, разжевал и... через несколько секунд его кожа приобрела жутковатый фиолетовый цвет и покрылась черными разводами. – Здорово, правда? И главное, каждый раз другой цвет!

– Гарм! Эти ягоды ядовиты! – Нима всплеснула руками. – И ты об этом знаешь не хуже меня...

– Пустяки, мам... Ну подумаешь, живот поболит. Чепуха какая. Зато как страшно... Ууууу!... – и он скорчил зверскую гримасу.

Но мать не оценила его изобретательности и насильно вернула нормальный облик, напоив наговоренной водой из ручья.

– А теперь, когда моему брату вернули достойный вид, хотя ему куда больше пристало шутовское обличие, я расскажу как все было! – торжественно заявил черноволосый Фенри, важно усаживаясь на траву у ног матери.

– Нет, я! Я старший! – белоголовый Гарм оглянулся на отца. – Отец, можно?

– Ну да, старший, как же! На пять минут ты меня старше! Это не считается! – в знак протеста Фенри толкнул брата, тот не преминул ответить тем же и через несколько секунд на траве у ног Нимы кипела замечательная драка.

– Дети мои, остыньте!... – Сурт довольно засмеялся. – Я пока и сам не утратил дара речи, а о такой находке хочется рассказать самому. Нима, Нум!... смотрите...

В его руках оказалась вырезанная из дерева чаша с изогнутыми краями, гладко отполированная, излучающая слабое сияние. Сурт слегка встряхнул ее, и послышался тихий звон и сияние стало сильнее. Руки держащего чашу бога окутало золотое облако.

– Золотые тавлеи... – еле слышно выдохнула Нима.

Ее брат, Нум, протянул было руку, прикоснуться к находке, но отвел ее, будто золотое сияние обжигало хранителя границ.

– Где ты нашел их? – и он внимательно посмотрел на Сурта.

– Там, где кроме меня не бывает никто. В пустыне. Пытался выстроить подземные колодцы в цепочку, чтобы хоть кто-то из Кратко Живущих мог одолеть эти пески. Там и нашел.

– Что ты собираешься делать с ними? – любопытство загорелось в глазах Нимы.

– Как что? Играть!.. – и Сурт сел на траву, рядом с сыновьями. К этому времени мальчишки прекратили выяснять, кто из них старше и внимательно прислушивались к беседе. Он вынул из чаши свернутый плат, встряхнул его, разворачивая, и расстелил перед собой. Полотно было белым, тонким, свежим, но несмотря на это почему-то казалось очень старым. Возможно, из-за богатой вышивки, из-за которой почти не было видно самого полотна – ее нити не то, чтобы потускнели или обветшали, как раз напротив – они впитали в себя само время, стали темнее и почти срослись с тканью основы. Игровой плат был круглым; в центре его был закреплен небольшой золотой кружок, вроде монетки, на которой ничего не успели вычеканить. Расходясь от нее плавными извивами, на плате расцветал первый, самый меньший цветок – вышитый оранжевым, апельсиново-ярким золотом. Он словно лежал на втором, большем цветке, вышитом червонно-красным золотом; самый же большой цветок, извивающиеся лепестки которого касались кромки плата, был соткан из нитей черного золота, матового, зажигающего редкие искры в сплетении узлов.

– Смотрите... – Сурт обращался к сыновьям. – Белый игральный плат, вышит искусной рукою. Черный цветок распустил лепестки, красный раскрылся следом. Огненно-солнечный цвет самый меньший и младший. В центре – вожделенное золото цели, воплощение желания.

Фенри молча прикоснулся к плату ласкающим движением, а Гарм спросил:

– Отец, как этим играют?

– Не спеши, в свое время все узнаешь. Смотри... – и Сурт потряс деревянной чашей – там игровые фигуры и кости, которыми случай отмеряет число ходов на плате.

Не глядя, он запустил руку в чашу и вынул из нее мешочек из такого же белого полотна, затянутого витым шнуром; развязав узел, Сурт достал пару игровых костей, легких и весьма затертых – они немало послужили в свое время.

– Сколько в чаше фигурок – не знает никто. Их столько, сколько потребно для той партии, что разыгрывается здесь и сейчас. Хоть две, хоть полсотни. Запомните, играть на будущее могут только боги – двое, уж никак не меньше. Разыграть прошлое, чтобы вновь пережить уже забытое, или прояснить что-то, оставшееся за гранью внимания, можно и в одиночку. Но чтобы предопределить, предыграть судьбу – нужен противник. Сам с собой не сразишься. Я прав, Нум?

Брат Нимы усмехнулся и кивнул. Вот уже несчетное число лет сестрин муж почти что умолял его возобновить их давние игры с оружием, боевые состязания в силе и умении; он отказывал Сурту, имея на то веские причины, о которых предпочитал не говорить и не вспоминать.

Войско восставших вливалось в Срединную Крепость, подобно потоку раскаленной лавы, сметая на своем пути все живое. Оставив за плечами Зеркальные Врата, стальные створы которых, до блеска отполированные стертыми в кровь ладонями цвергов, отражали каждый нанесенный по ним удар, возвращая его назад с удвоенной силой. Нападавшие оставили у них

значительную часть войска, и если бы не остервенелый натиск альвов, возможно, и посейчас бились бы там, стоя на телах своих соратников. Те из светлых духов, кто вступили вслед за Восставшими Богами на стезю разрушения, оказались неустойчивы и отчаянны в бою; неудачи только ожесточали их, полученные раны исторгали из перекошенных, пересохших ртов злобное шипение или гневный рык, и там, где уставали или отступали сами боги, альвы стояли насмерть. Перед их отчаянием не устояли и Зеркальные Врата, разбившись вдребезги и еще раз доказав миру, что не бывает несокрушимых врат. И, ворвавшись первыми в крепость, альвы не умилили своего натиска, не повернули перед дождем стрел, коими осыпали их осажденные; доспех альва легок и прочен, закаленный небесной росой, прокаленный рассветлыми лучами, ничьи стрелы не страшны ему. Кроме стрел самих же альвов – закаленных росой сумерек, прокаленных расплавом заката. И они, сломившие самую мощную линию обороны Срединной Крепости, падали как спелые колосья под серпом жнеца, ибо их сокровники-лучники, державшие вторую линию, жалости не ведали и били метко.

У четырех дверей, ведущих со внутреннего двора в сердце крепости, Рассветную Башню, стояли боги-хранители. Двери за их спинами были заперты, вопреки всем обычаям – обычно они были настежь открыты, а их стражи стояли, опираясь на тяжелые щиты, и солнце играло на лезвиях ритуальных алебард. Уступать, однако, не собирался никто. Первые из напавших отлетели, не удержав тяжелых, размашистых ударов стражников. Но вот одному из них удалось перерубить одну из алебард – ценой жизни своего клинка... и своей собственной. Его место тут же занял другой, отличавшийся от прочих, как боевое острозубое копьё от тупого турнирного трезубца. На голову выше всех,двигающийся неторопливо и скупно, прячущий лицо за личиной шлема – холодной, ничего не выражающей, абсолютно бесстрастной. Он сражался двумя мечами, доверив им и нападение, и защиту. Защитник, отбросив обломок алебарды, с тяжким подсердечным стоном достал из ножен меч и поднял щит. Нападавший с неожиданной церемонностью вскинул правую руку в приветствии и атаковал. Первые его удары хранитель крепости отражал четко и продуманно, будто знал, куда будет бить его противник, не обманываясь ложными замахами и не позволяя выманить себя от дверей. Однако через несколько минут удача изменила ему; нападавший, не останавливаясь и не обращая внимания на стрелы, клевавшие ртутно-серый доспех, прижал защитника к дверям, вынудив его к глухой обороне, не давая ни единого шанса перейти в наступление. На бога-хранителя, лопатками вжавшегося в дверь, обрушились удары обоих мечей, к ним нападавший добавил всю свою неистощимую ярость. От такого удара застонали, задрожали и обрушились створы; оба сражавшихся оказались на зеленой траве окружавшего крепость сада, десяток шагов – и перед нападавшим окажутся белые ступени, ведущие в башню. На несколько ударов сердца его отвлек совсем молодой еще виверн, не успевший догнать в росте лошадь; меч восставшего рассек его зелено-золотые глаза. Защитник тем временем успел подняться; вновь скрестились их мечи. За ними, в открытые двери, врывались все новые и новые воины. На зеленой траве пламенели светло-пурпурные брызги, воздух стонал от свиста грифоновых крыльев, дробился от рева вивернов, трещал, разрываемый тяжелыми лезвиями топоров и мечей. В трепещущие яростью ноздри сражающихся едкой, кислотной свежестью вливался запах озона – его источала щедро проливаемая кровь альвов; иногда его перебивал тяжелый, полынный дурман крови богов.

И в тот миг, когда хранителю стало безнадежно ясно, что такого натиска ему не удержать, когда его обессилевшая рука выронила щит, а меч мог только скользить по доспеху противника, – покрывая шум битвы, прорываясь сквозь раскаленный воздух, откуда-то сверху разрывающим сердце отчаянием прозвучал крик:

– Сурт! Пощади!

Эта мольба о пощаде, невозможная и неуместная, буквально отшвырнула Сурта от поверженного. Тот же, оглушенный, способный разве что дышать, все же смог перевернуться набок, сжимая рукоять клинка и пытаясь приподняться.

Между тем воин в серых доспехах, позабыв на время об обессиленном противнике, развернулся к новым врагам. Даже у богов бывают верные и преданные друзья. Два альва, всегдашние спутники бога-хранителя, не посчитали свои жизни слишком дорогой ценой за биение сердца своего господина и были готовы послужить ему – в последний раз.

Оба они были вооружены копьями – мастерски владея этим оружием, напали слаженно и ловко – старший метил Сурту в лицо, а тот, что был помоложе, старался бить по ногам. Некоторое время альвы держались, едва ли не тесня своего грозного противника – однако тот был несравненно опаснее и опытнее. Ему удалось, увернувшись от целившего в грудь копья, пустить саблю вскользь вдоль древка, отсекая юноше пальцы вместе с кистями; тот покачнулся, роняя копье – хватило единственного удара, чтобы покончить с ним. Между тем тот, кого с таким мужеством защищали альвы, уже почти пришел в себя; все еще обессиленный, он едва ли смог бы подняться на ноги. И гибель альва, и собственная беспомощность привели его в ярость; он сорвал с себя шлем и в отчаянии швырнул его в Сурта.

Тяжелый шлем ударил Сурта в плечо; дернув головой, он на единственный миг подался в сторону оставленного врага – и этого мгновения оставшемуся в живых альву хватило, чтобы успеть ударить развернувшегося противника копьем под колено, вложив в этот удар все оставшиеся силы.

Ртутно-зеркальная личина дрогнула, по ней словно прошла гримаса... Названный Суртом упал, личина, по-прежнему бесстрастная, уткнулась в траву. А на его место тут же встал другой воин.

– Что ж... вам играть еще рано... – Сурт покачал головой и несерьезно нахмурил брови в ответ на недовольное фырканье Гарма. – Успеется. А вот правила знать вы должны. И лучше, чем живая игра, вам их не объяснит никто.

– Сурт, в их возрасте нас даже близко не подпускали к тавлеям... – Нима опустила руку на запястье мужа. – Повремени...

– Нас ко многому не допускали. Не бойся, Нима... Я сыграю один. – он ласково провел пальцами по волосам жены. – Нам ли страшиться прошедших дней?

Дневной свет совсем угас, однако на поляне, где собрались молодые боги, было почти светло – отчасти от вновь раскрывшихся огненных лилий, отчасти от золотого сияния, которое источали и чаша, и вышивка на плате. Было тихо, безветренно; беспечальный покой разливался в воздухе.

Сурт взял чашу обеими руками, слегка склонил голову, закрыл глаза и сказал:

– Гибель мира, богов сотворивших и богами же сотворенного... последняя битва.

И он опрокинул чашу над вышитым платом. Из нее стали вылетать небольшие, ростом с полевую мышь, фигурки; вылетать, плавно опускаться на игровое поле, вставая каждая на свое место. Часть фигур была сделана из светлого золота, часть – из черного, еще более темного, чем нити вышивки. Гарм и Фенри глядели во все глаза. Фигурки падали на плат, замирали на мгновение, сжавшись в комочек, охватив руками колени – и спустя несколько секунд вставали, выпрямляясь во весь рост. Среди них были воины в доспехах, женщины в простых или причудливых нарядах... всего не более двух десятков фигур. Некоторые расположились совсем рядом друг с другом; некоторые из персонажей, ожидая первого броска костей, седлали коней, усаживались на вивернов.

– Ох ты, не подумал я об этом. – Сокрушенно сказал Сурт. – Многовато персон для первой игры. Боюсь, вам наскучит следить за уже известными событиями.

– Нет! Что ты, отец... – не отрывая глаз от волшебного зрелища, откликнулись его сыновья.

– Тогда слушайте правила. Для каждой фигурки – некоторые из них представляют целые расы... вот смотрите, это альвы, пока единые, это цверги... ну и так далее, – так вот, для каждой бросают кости. Выпавшее число определяет количество шагов, которое фигура проходит по полю. Двигается она по спирали. Цвет вышивки, на которой фигура останавливается, определяет обстоятельства, в коих она оказывается – черный предугадывает осложнения, беды, необходимость сопротивляться и выживать. Красный – предписывает страсти, волнения, беспокойства, страдания и радости. Солнечный цвет накаляет и без того разгоряченных героев истории до предела, за который переступать небезопасно... и они все его переступают. Кроме того, чем ближе к вожаемой цели, тем вероятнее всяческие невозможности и волшебства... – и Сурт подмигнул сыновьям.

– Если фигура останавливается на черном, то она должна сделать два шага назад, если на красном – то два шага вперед. Есть одно условие – если фигура пожелает, то может, встав на красное, вытянуть своего соратника, попавшего на черное, ценой своих призовых шагов. Если выпадут две шестерки – то можно вытянуть двоих... или самому сделать двенадцать шагов. Великое дело – выбор...

– Отец, постой... – Фенри внимательно рассматривал переминавшиеся в нетерпении фигуры – Ты говоришь, если пожелает? Так они что, сами решают, как играть?

– Можно сказать, что и так. Видишь ли, сын, попадая на этот плат, фигура обретает на время игры характер и способности своего героя, ею движут те же страсти и пытаются управлять те же мысли. Нам остается только бросать кости, а случаю – определять число шагов.

– Отец, а как быть, если у противников разные цели? – спросил Гарм. – Ведь эта битва разделила всех – и богов, и альвов, и смертных. А здесь цель одна...

– Именно, что одна, сынок. Цель у всех была одна – добиться своего. Любой ценой. Одним – удержать, сохранить, не пропустить. Другим – заполучить, преобразовать, изменить.

– Отец, это... ты? – и Фенри указал на фигурку, отличавшуюся ростом и худобой, с двумя мечами за спиной. Черную.

– Угадал. А вот это ваша мама... – и Сурт прикоснулся к сидящей на грифоне девушке, – и ее брат... – фигурка стояла рядом с тремя похожими персонажами, опирающимися на тяжелые щиты и держащими алебарды. Эти фигурки были из светлого золота.

– Нум... смотри, наш отец, Эдред Вседержитель... – Нима заворуженно смотрела на игру. – И Ветрогон, мой грифон... Как живые... как прежде. Сурт. – Она заглянула в глаза мужа. – Ты играл в тавлеи, хоть раз?

– Вы оба мне не поверите, – Сурт насмешливо поклонился, – но – да. Играл. При чем не на свершившееся. Однажды мы с Торольфом Лучником сцепились из-за какого-то пустяка, шла война – как обычно, а мы покровительствовали враждующим сторонам. Как только не измудрялись, уже на личности перешли, всякие пакости друг другу подстраивали... Мы так надоели старику Эдреду, что он разрешил нам обратиться к тавлеям, чтобы мы побыстрее исчерпали эту историю.

– И как? Ты его побил, да? – Глаза Гарма горели такой восторженной любовью, что в сердце его матери могла бы закрасться ревность... но только не в сердце Нимы. Она была счастлива любым проявлением любви и приязни, обращенных к Сурту.

– Нет, дружок. – Сурт потрепал светлые волосы сына. – Я проиграл. С судьбой не поспоришь... Я не сказал, на плате есть особые места... никто не знает, где они проявятся в новой игре. Мы называли их мертвые узлы. Если фигура попадает на мертвый узел, она погибает –

даже если вокруг нее нет ни единого врага и ничто ей не угрожает. Такие вот правила. Есть еще тонкости, но их я объясню за ходом игры. Пора начинать...

И Сурт перевернул мешочек над ладонью, встряхнул в горсти игральные кости и со словами: «Начинаем, дети мои!» – бросил их наземь.

* * *

Прежде всех слов и вещей были в этом мире Огонь и Лед. Один вскипал в бездонной пропасти, ничем не сдерживаемый и нечего не согревающий, другой стыл тяжелой глыбой, косный и бессмысленный. Но случилось так, что однажды Желанию вздумалось протанцевать меж ними; дорожка, оставленная его замысловатыми прыжками, соединила две пропасти. Так возник мир. Огонь получил форму, лед обрел дыхание. Вместе с миром появились и боги, созданные им и его же создающие.

Эдред Вседержитель хранит порядок вещей, что был задан богами; никто не осмеливается противиться его власти. Его жена, Иуле, хранит память обо всем, что достойно упоминания, многие тайны мироздания ведомы ей. Пятеро детей у Эдреда и Иуле: дочь Нима возлюбила живые создания, населившие мир и сделавшие его Обитаемым, их сыновья – Нум, Торольф, Квельд и Никкар – стерегут границы и защищают покой мира.

Родной брат Эдреда – Хакон. Он всем недоволен и обо всем беспокоится; мало кто может ему противиться. Жена его, Варгамор, покинула богов; она хозяйка мира Смерти. И у них также пятеро детей: Сурт, единственный сын, несущий в мир разрушение и перемены, и дочери – Стейно, Эвриала, Сигне и Маара – они вслед отцу порождают в мире беспокойное недовольство и жажду нового.

Обитаемый Мир щедро одарен Жизнью, но над нею, имеющей тысячи ликов, знающей сотни форм, властно Время. Именно его воля уводит Жизнь в Смерть, и никому не дано повернуть ее вспять. Все родившееся должно однажды умереть – таков закон времени. Хозяйкой мира мертвых по собственной воле стала Варгамор – однажды она покинула обитель богов, чтобы уйти по дороге, ведущей через весь Обитаемый Мир, в неведомые пределы. Никто с тех пор не видел ее; только Сурт приходил иногда к воротам мира мертвых и, тоскуя, звал ее. Иногда откликалась Варгамор, и сын с матерью разговаривали, не умея даже взглянуть друг другу в глаза.

Боги не были одиноки в своем мире; их помощниками и спутниками стали светлые альвы. Они сопровождали богов в их странствиях, приносили их волю в Обитаемый Мир и следили за ее воплощением. И были те, кто хранил изначальную сущность мира – должен же был кто-то заботиться о том, чтобы несмотря на все игры богов поутру вновь вставало то же самое солнце... о них – Сущностях – редко когда вспоминали, но помнили постоянно.

За пределами мира оставалась предвечная Пустота, отделенная непреодолимой стеной, и ее ненасытимая алчность стала настолько невыносимой, что приняла зримый облик. Она стала подобна чудовищной Волчице, которую Хакон в насмешку прозвал Прорвой и Несытью, а остальные боги избегали произносить ее имя. Она томится у пределов Обитаемого Мира, рыскает у границы мира мертвых, пытаясь заглушить рвущий ее внутренности голод. Та пища, что дает ей Варгамор, лишь на время успокаивает ее, ибо кормит ее хозяйка мертвечиной, отжившей, износившейся плотью, лишенной пламенеющего духа, а Пустота жаждет быть наполненной Жизнью.

Так продолжалось несчетные века. И однажды сказал Хакон: «Зачем позволяем мы духу покидать пределы Обитаемого Мира? Смерть забирает самое ценное, оставляя лишь косную материю...» Ему ответила Иуле: «И у нее есть свое назначение, чем же еще можно насытить ту, о которой ты знаешь?» Хакон возразил: «Прорву насытить невозможно. Мы сами вскарм-

ливаем себе погибель, ибо мертвое делает ее сильнее, но не насыщает, а лишь растравляет ее голод. Придет день, и она станет настолько сильной и обозленной, что и врата Варгамор не удержат ее».

– И что же нам делать, как спастись, брат мой? – Эдред с недоверием смотрел на Хакона.

– Я уже говорил тебе. Наполним Пустоту Жизнью. Соединим вновь миры Огня и Льда, отдадим силу новой жизни миру мертвых.

– Ты предлагаешь оживить Смерть? – изумленно подняла тонкие белые брови Иуле.

– Я лишь хочу, чтобы и за пределами жизни была Жизнь.

– Это противоречит всем установлениям, брат! Никто не согласится на такое безумие. Разве что твой сынок... – Эдред покачал головой. Редко когда он соглашался с братом, но столь резко отвечал, пожалуй, впервые.

– Если ты боишься ошибиться, давай сыграем. И пусть тавлеи ответят, так ли я безумен. И ты ошибаешься... мой сын не одинок в своем согласии со мной.

– Тавлеи? – переспросил Эдред. – Мы оба знаем, откуда взято их золото. Играть первосущностями о них же? Неплохо придумано.

Эдред и Хакон поднялись в верхний зал Рассветной Башни, где предпочитали разыгрывать те партии, исход которых мог быть слишком серьезным, чтобы делать его достоянием всех богов. Иуле, расстелив игровой плат на сером каменном столе и поставив рядом чашу с фигурками, ушла, плотно закрыв за собой дверь. Братья сели за игру. И никто так и не узнал, чем закончилась она и была ли доведена до конца; только они покинули башню вместе. И уже на пороге Эдред во всеуслышание сказал, что запрещает Хакону даже приближаться к золотым тавлеям, что гнев его падет на головы тех, кто осмелится помогать возмутителю спокойствия...

– Он желает, чтобы мы открыли врата Волчице, дабы удобнее ей было пожрать то, что с такой любовью мы творили и берегли!

– Если мы не откроем ворота и не дадим ей то, чего она жаждет, Прорва справится и без нас. И тогда она возьмет все, до чего сможет дотянуться. И никто из нас не помешает ей.

Так мир и согласие навсегда покинули мир богов. Вражда подобно заразе распространилась и на мир альвов, и на мир смертных. Она разделила их всех на две части – одни желали уберечь то, что и без того было их, другие хотели большего и готовы были рискнуть всем.

Однажды, впервые за сотни лет, Хакон подошел к вратам царства мертвых и позвал свою утраченную спутницу.

– Варгамор... ответь мне. Долго ли ты сможешь удерживать ее?

– Мои силы на исходе, Хакон. – Голос, доносившийся из-за призрачно-серой стены, был тих и печален. – Так тоскливы ее вопли... столько боли в ее стенаниях... я знаю, что однажды не выдержу и отдам ей единственную жизнь, что есть здесь – свою собственную.

– Лучше уж выпусти ее за ворота. Если Прорва получит тебя, всей нашей силы не хватит, чтобы удержать ее.

– О чем ты говоришь, Хакон? – тихий голос стал тверже. – Боги не нарушают данного слова. Я не открою ворота.

И тогда понял Хакон, что нет у него иного выхода, кроме как начать войну – войну против собственного брата и всех тех, кто держал его сторону. Отвоевать тавлеи, доиграть прерванную Эдредом партию и вновь соединить потянувшиеся друг к другу Огонь и Лед. И отдать ту силу, что родится от их союза, Пустоте и Смерти.

Летят на траву затертые игральные кости. Фигурки передвигаются по плату.

– Отец, смотри! – Фенри дернул Сурта за рукав. – Что это такое?

Фигурка, изображавшая альва, – высокого, остроухого, с огромными крыльями – застыла на черном лепестке; внезапно она рухнула на колени. Альв сжал руками голову, запрокинул

ее... по лицу его прошла судорога, неслышный крик разорвал рот. И тут очертания фигурки стали расплываться, она таяла, сливаясь с черным золотом вышивки.

– Это и есть мертвый узел? – тихо спросил Фенри.

– Да. – Подтвердил Сург. – Ты смотри...

Еще два броска костей – и почти рядом с альвом оказались Никкар и Эвриала, оба на красном золоте. Воин, спешащий занять свое место у врат Рассветной Башни, и вычурно одетая девушка верхом на молодом виверне. Обе фигурки не использовали возможность продвинуться дальше по игровому полю, а протянули руки умирающему альву.

– Вы пойдете за мной, даже если мне придется стегать вас хворостинкой, как стадо гусей! – и в самые спокойные времена Эвриала не умела уговаривать несогласных с ее мнением; дипломатия никогда не была ее сильной стороной.

Альвы, собравшиеся тронном зале, молчали. Тишину нарушал только шелест множества крыльев. Девушка в слишком богатом наряде, казавшемся особенно причудливым на фоне простых и строгих одеяний альвов, оглядывала их злыми, темными глазами. Верхняя юбка ее платья была расшита наподобие павлиньего хвоста и подобрана так, чтобы показать кружева нижних юбок, сплетенные из сверкающих хрустальных нитей; пышные газовые рукава переливались всеми оттенками зеленого – от темно-елового до светло-травяного, а с запястий свисали ленты и нити бус. Вызывающе низкий вырез платья обрамлял жесткий кружевной воротник, поднимавшийся от плеч искусно вырезанными зубцами, щедро усыпанный изумрудами и алмазной крошкой. Черные волосы Эвриала уложила в высокую прическу, украшенную плюмажем и нитями жемчуга.

– Вы пойдете за мной! – ее пронзительный голос, не отличавшийся приятностью, сорвался на крик; сжались тонкие, затянутые в кружевные перчатки пальцы.

– Куда? – тихо спросил ее альв, стоявший впереди других. – Ты велишь нам идти войной на тех, кому мы служим с начала времен. Опомнись, дочь сомнения, возможно ли это?

– Не пойдете – смерть все равно придет за вами, и те, кому вы служите, вам не помогут.

– Зря ты так скоро сбросила нас со счетов, Эвриала... – этот голос принадлежал входившему в зал мужчине. Он подошел к девушке, учтиво поклонился, оставив без внимания ее презрительное фырканье. Все в нем – и черно-серые тона костюма, и спокойные неторопливые движения, и вежливый взгляд зеленых глаз – все говорило о сдержанности и безупречном вкусе.

– Повторяю тебе, хотя ты и отворачиваешься от меня, я готов помочь...

– Зачем ты вмешиваешься, Никкар? Или ты думаешь, что память прежних дней заставит меня передумать и изменить своей цели?

– Я надеялся, что ты хотя бы выслушаешь меня. Эвриала, вы безумны, если ожидаете помощи от альвов. Они никогда не встанут на сторону тех, кто разрушает.

– А как быть с теми, кто увидит в разрушителях истинных хранителей?

Задав этот вопрос, альв, стоявший у окна, распахнутого в небо, подошел к богам. Он поклонился им и сказал:

– Я и мои сородичи готовы исполнить вашу волю, господа. И мы не одиноки, поверьте, господа, таких, как я, много...

– Опомнись... – стоявший впереди всех альв смотрел на отступника с изумлением и болью. – Ты не ведаешь, на что обрекаешь нас...

– Может быть. Но я чувствую, что жажда новой жизни, новой истины не позволит мне жить, не присягнув ей. Даже если присягать придется смертью.

– Никкар, останови их! – альв умоляюще протянул руки к богу. Но тот молча отошел, уступая дорогу Эвриале и последовавшим за ней альвам.

Расплывающаяся фигурка широко раскинула руки. Правая рука ухватила за Эвриалу, левую сжал Никкар. Через минуту фигурок стало две.

– А почему они все еще с крыльями? – спросил Фенри.

– Неужели ты думал, что у всех пошедших за Хаконем альвов враз отсохли крылья и вылезли клыки? – засмеялся Сурт. – Такое только в сказках бывает, сын. Изменения настигли их спустя несколько недель после начала войны.

– Отступников крыльев лишил Эдред... а верных – Хакон, – тихо сказал Нум.

– А уже потом они стали меняться сами. И потому, что те, кого ваш дядя называет отступниками...

– Прости, Сурт. Привычка, – смутился Нум.

– Ничего. Так вот, они оказались куда отчаяннее и несдержаннее в бою, чем их сородичи-хранители, и гораздо более жестоки по отношению к слабым смертным. Потому обрели тот облик, что и посейчас. И отказались от прежнего имени – орки, так теперь они себя называют.

– Так эльфы и орки были некогда единым народом? – удивленно поднял брови Гарм.

– Сын мой, и ты только сейчас узнал об этом? Хорошо же ты изучал историю прежнего мира, нечего сказать... – Сурт покачал головой.

– Прости, отец, теперь я обязательно перечитаю свитки... – покаянно пообещал Гарм.

– Да уж постарайся. Играем дальше, дети мои.

И снова летят кости, определяя число ходов фигуркам. Но когда все уцелевшие собираются на лепестках раскаленного солнечного цвета, происходит что-то необъяснимое.

Маленькая фигурка девушки покидает своего грифона и склоняется над фигурой поверженного воина. Ей только что выпала редкая удача – сразу две шестерки обозначились на игровых костях, и путь перед ней открыт – до вожденной цели не более двух десятков шагов. Она могла бы опередить всех и, возможно, выиграть, но вместо этого предпочитает с помощью другой фигурки – двигающейся с трудом, с непокрытой головой и такой же светло-золотой – втащить черного воина на спину грифона, помочь подняться брату и сесте самой. Едва она успевает взять в руки поводья, как вышивка игрового плата начинает двигаться. Словно хищные щупальца извиваются черные лепестки, разрастаясь, захлестывая и красное, и солнечное золото. Нити будто вскипают, дергаются, силась вырваться из ткани, рвутся – и начинают пропадать. На глазах изумленных богов вышивка тает; диковинные цветы, предопределявшие судьбы, поглощает белизна основы. Фигурки, доигравшие почти всю партию, сворачиваются в клубочки, как в самом начале игры и так и застывают. И только грифон успевает развернуть крылья и подняться в воздух; он парит над белым, нетронутым полотном.

– Игра закончена. – Тихо говорит Сурт. Грифон опускается в центре плата, фигурки спускаются с его спины и встают рядом друг с другом.

– Чего ты хотел, Сурт? Надеялся узнать, остался ли кто за пределами Обитаемого Мира? – невесело спрашивает Нум.

– Да. – Кивает Сурт. – Уж очень быстро все тогда произошло. Нима, ты никогда не рассказывала мальчикам об этом... как вы поняли, что Прорва вырвалась?

– Тогда мне было все равно, кто победит и чья правда возьмет. Я должна была унести вас обоих в безопасное место... не смейтесь, я верила, что смогу отыскать такое, при живом фронтире...

– При ком? – спросил Фенри.

– Фронтир – это движущаяся граница мира, сын. Здесь она неподвижна, мы создали иллюзию ее удаления, чтобы не было так тоскливо. В прежнем мире границ не было –

сколько бы ты ни шел, впереди было неограниченное пространство, а фронтир убегал от тебя, как живой.

– Вот это да... – мечтательно протянул Гарм. – Мне бы так...

– Я уносила вас из Срединной Крепости, не зная, выживете ли вы, и не особо оглядывалась по сторонам, но то, что я видела, особенно в Альвхейме...

– Я все думал – почему Альвхейм? Почему не мир людей, ведь он был ближе к ней, – проговорил Нум.

– Если тебя держат взаперти достаточно долго, чтобы ты успел разозлиться, то вырвавшись, ты ведь не шагом пойдешь, верно? Я думаю, Прорва вымахнула прыжком и оказалась в мире альвов... дотянулась.

– Ты прав, Сурт. Она дотянулась. – Нима опустила глаза. – Я видела, как исчезает целый мир, растворяется в гулкой пустоте... А потом она принялась за наш дом. Когда я видела, как альвы убивают друг друга, думала, что ничего ужаснее не увижу. Но это... Все мы с нашими спорами и войнами были для нее не более чем пляска пылинок в солнечном луче. И я поняла, что должна поторопиться, если хочу успеть хотя бы еще раз взглянуть на ваши лица. Ветрогон рвался из последних сил, обгоняя свет звезд, и где-то в мире людей силы его иссякли. С первыми рассветными лучами он внес нас сюда... – Голос Нимы дрогнул и она замолчала.

– А Прорва, она что, подавилась? – недоверчиво спросил Гарм.

– Хотелось бы, сын. – Вздохнул Сурт. Он обнял жену за плечи, прижал к себе. – То, что этот кусочек мира и мы в нем все еще живы, вовсе не означает, что пустота насытилась. Как только силы вернулись к нам, первое, что мы сделали – закрыли ворота, которыми пришли. Слишком опасно держать открытой дверь, в которую может войти тот, кого ты не очень хочешь видеть в своем доме. Но все не так уж плохо... – И он погладил жену по волосам.

– Отец, что же с ними? – и Фенри показал на застывшие скорчившиеся фигурки.

– Не знаю. – Помрачнел Сурт. – Не вижу и не чувствую. Да что я, сами тавлеи отказались играть это. И я не понимаю, как они сюда попали – ведь хранили их в Рассветной Башне, так ведь, Нум?

– Да... – не очень уверенно сказал Нум. – Я был уверен в этом, когда стоял там. Иначе...

– Понимаю. – Кивнул Сурт. – Но теперь это не так уж важно.

Он собрал отыгравшие фигурки, сложил их в чашу, туда же убрал мешочек с костями и плат, все еще белый.

– Я думаю, вышивка проявится... позже. Если у кого-нибудь из вас возникнет охота сыграть – тавлеи здесь. – И Сурт поставил чашу у подножия скалы, из которой бил родник.

Глава вторая. Сыновья

– И занесло же нас в эдакую дыру... – раздраженно сказал высокий светловолосый юноша лет двадцати. Он сидел в распахнутом проеме ворот, выходивших прямо в небо, опираясь спиной на стену, одну ногу согнув в колене острым углом, другой болтая в воздухе. В руках у него был пышный розово-белый цветок; юноша отрывал лепесток за лепестком и отправлял их в рот.

– Опять за старое, Гарм? – спрашивавший парил перед недовольным, держась в пронзительной синеве силой огромных орлиных крыльев, заменявших ему руки. Он был черноволос, красив и, судя по выражению рта, упрям. – Ну чего тебе не хватает, скажи на милость?

– Скажу. Только пообещай, что не будешь драться.

– Обещаю.

Получив такое обещание, названный Гармом отбросил в сторону цветок, встал на самом краю западных врат, вытянул руки в пустоту...

– О! Чуть не забыл. Ты не сопротивляйся, ладно?

И прежде чем его брат успел ответить, запел. Пел он мастерски, ничего не скажешь. Голос, низкий и резковатый, терпкий как вкус терновника, не смягченного первыми морозами, облекал заклятие плотью слов и мелодии, падавшей короткими выдохами и свистящими вдохами. Песня молодого бога окружила парящего в воздухе и для начала заставила уменьшиться до размеров крапивника. Гарм протянул руку, осторожно взял брата и слегка подул на него. Вокруг крылатой фигурки взвихрился прозрачный поток, защищая ее, Гарм убрал руку и продолжил песнь.

Из ниоткуда сплетались в воздухе стальные прутья клетки. Вскоре они окружили «птичку» безнадежно непреодолимо; но этим песнь не закончилась. Клетка получилась огромной. Внутри ее волей Гарма расцвели миниатюрные сады, зажурчали родники и речушки, вспыхнуло маленькое солнце, запели ветра. И внезапно клетка исчезла. Только парил перед Гармом в воздухе зелено-пестрый, живой шар.

– Прекрасная иллюзия, не так ли? – спросил он. И попытался сорвать ветку с маленького дерева. Но пальцы его уткнулись в невидимую преграду. Клетка, как оказалось, никуда не делась. Клетки вообще не имеют привычки исчезать, их можно только сломать...

– Причем изнутри это сделать легче. – Уверенно сказал Гарм. – Ну как тебе там? Не тесно?

– Тесно! И вода у тебя соленая получилась! Хватит, Гарм!

И клетка-сад пропала. На ее месте вновь возник юноша с орлиными крыльями. Он полетел к вратам, ступил на твердый каменный пол и встряхнул крыльями, обращая их в обычные руки.

– Тесно тебе здесь. – В его голосе было сочувствие и немного непонимания. – Понимаю... хотя и не очень. Ну чего тебе не хватает?

– Свободы. Места. Времени. Да не знаю я! – и Гарм вновь сполз спиной по стене, садясь на холодный пол. – Не знаю, Фенри.

Фенри сел рядом с братом, положив руку ему на плечо.

– В батюшку пошел, братец... Кровь бунтарская. И голова дурная... у тебя, конечно.

Гарм искоса глянул на брата и ничего ему не ответил. Эти братья при всей родственной схожести черт лица были на редкость непохожи. Фенри, одетый строго и безупречно, действительно был похож на молодого бога – красив, статен... уверенный, повелительный взгляд угольно-черных глаз, черные же волосы, облегающие плечи и спину подобием царственной мантии, на голове – венец с двумя зубьями, поднимающимися над висками... И Гарм – одетый в какие-то нелепые одеяния, на плечах – широкий воротник с фестонами, длинные дырявые

рукава петлями охватывают пальцы, ткань, вышитая пестро и беспорядочно, явно нуждается в чистке... на руках и на лице бога – рисунки, сделанные соком ядовитых ягод, светлые волосы взлохмачены, а в глазах, светлых как роса небесная, – тоска и нетерпение.

– Ну да, тебе повезло, маменькин сынок... Скажи, чего ты боишься? Сколько раз мы с тобой играли, все обходилось! – и Гарм раздраженно сплюнул в небо.

– Нет, брат, и не напоминай. Не буду я с тобой на огонь и лед играть. Не буду. Хоть убей.

– Дурак.

– Сам такой.

– Ты хуже дурака, ты трус.

– Не заводись, Гарм. – Но руку с плеча брата Фенри убрал. – Сам знаешь, что говоришь неправду. Хочешь, пойдем побьемся? Глядишь, полегчает...

– Нет. Не хочу. – Гарм встал. – Пойду отца поищу. Давно не виделся. Ну, бывай, брат. – И он повернулся и пошел вглубь дома.

Сколько веков минуло в Обитаемом Мире с тех пор, как поселились в нем последние из Богов – никто не ведает. Этот осколок прежнего обширного мира, уютный и невеликий, стал их домом и – увы... тюрьмой.

Большинство в Обитаемом Мире составляли люди – светловолосые и гордые на севере, смуглые и мстительные на юге, скрытные и непонятные на востоке. А на западе этого мира поначалу обосновались альвы. Вернее те из них, что стали эльфами. Пройдя горнило братоубийственной войны, научившись – но не привыкнув – убивать себе подобных, альвы утратили способность летать, одолевая огромные расстояния и обгоняя ветер, разучились взывать к Сущностям, забыли многое из того, что прежде было им ведомо. Все, что осталось им – значительно более долгая, чем у людей, жизнь, почти что бессмертие; способность в минуты крайней опасности различать голоса стихий и обращаться к ним; да еще обрывки воспоминаний о былом величии и могуществе.

Племя отступников, именовавших себя орками, было рассеяно по всем северо-восточным землям; в отличие от эльфов, они не создавали единого государства и не выбирали себе королей. От прежних времен у альвов-отступников не осталось почти ничего. Кожа их приобрела зеленовато-смуглый оттенок, резцы удлинились и заострились, став со временем угрожающими клыками. Такой звероподобный облик не помешал оркам общаться с людьми; они и союзничали, и воевали со смертными гораздо чаще, чем их светлые собратья. Способность орков к магии проявлялась редко, они предпочитали нападать и разъяснять все недоразумения языками мечей, нежели чем вытягивать из противника душу силой тайных знаний.

С того времени, как закончилась война богов, меж эльфами и орками установился настоящий, оскорбительно-недоверчивый нейтралитет. Они либо высокомерно не замечали друг друга, либо – при неизбежной встрече – вели себя как разделенные и спаянные вековой кровной враждой. Стоит ли упоминать о том, что они никогда более не воевали и каждый из них считал другого предателем.

Кроме пятерых выживших в этом мирке оказались и свои божки, они обитали в море, в горах, а самый приметный из них избрал местом своего пребывания чудовищные леса на юго-западе. Власть этих божков была невелика, возможности – еще меньше, впрочем, как раз по мерке этого мира, вряд ли бы он вынес большее могущество.

Повзрослев, Фенри и Гарм приняли участие в обустройстве Обитаемого Мира. Фенри больше времени проводил с братом матери, Нумом; их сближало пристрастие к порядку и оформленности. Гарм же очень быстро оказался правой рукой Сурта, и если в мире что-то менялось, причем не всегда в лучшую сторону, он всегда оказывался к этому причастен. Гарм по-прежнему частенько позволял себе нелепые, шутовские выходки; он часто общался с людьми. Фенри до подобного не опускался.

– Здравствуй, отец. – Гарм вошел в небольшой покой, похожий на каменный подводный грот. По стенам причудливыми узорами лепились ракушки, змеились ленты водорослей. Сурт сидел, согнувшись, положив подбородок на сцепленные руки. Услышав голос сына, он поднял голову.

– Здравствуй. Опять брата на игру подбивал? – и Сурт жестом пригласил Гарма сесть рядом.

Гарм коротко кивнул и уселся, куда указали. Он мрачно пинал босой ногой зеленый мшистый ковер, безжалостно сминая, растрепывая нежный ворс.

– Ну и дурак. – Необидно хохотнул Сурт. – Ты бы еще Нума пригласил.

– Ну хорошо. – Буркнул в ответ Гарм. – С ними все ясно. Но вы, почему вы отказываетесь играть со мной?

– Я уже объяснял, сын. – Сурт развел руками. – Слишком мне нужна эта партия. И ты не ровня мне, как игрок. А тут нельзя будет ни проиграть, ни выиграть... боюсь, так провести партию ты не сможешь.

– И что теперь? Так и будем штопать прорехи на здешнем небосклоне? Отец, чего бы мы не делали – этого мало.

– И тут ты прав. Сам я давно понял – такими вот стежками-штришками погоды не сделаешь... Да, мы что-то меняем, все больше по мелочам... но незначительные, местные улучшения не исправят тесноты и замкнутости этого мира. Если мы хотим большего – надо взорвать старое и создать новое. Только так.

– И как нам объяснить это семье? – язвительно поинтересовался Гарм.

– Никак. – Сокрушенно пожал плечами его отец. – Сын, не злись. Они сами поймут, со временем.

– И сколько веков мне еще ждать? – Гарм со вздохом распростерся на зеленом мшистом полу навзничь. – Я устал плавать вокруг этого мира, как рыба в садке. Я знаю каждую скалу, каждый корабельный остов... И летать тошно, будто тебя за ногу привязали – наматывая знай круги. Звезды все пересчитаны, все цветы сорваны, и сплетены в венки... и сердце мое молчит в ответ на все голоса этого мира. Тоска, тоска... Отец, я устал ждать, что произойдет хоть что-то новое, небывалое еще под этим солнцем...

Сурт в ответ тихо засмеялся. Как давно это было... когда он сам говорил такие же слова Хакону, своему отцу... и так же рвался в бой... и жаждал преград...

А Гарм продолжал. Он вынул из уха серьгу, плоский изогнутый треугольник, ртутно-зеркальный, ледяной на вид, и раскачивал ее, держа двумя пальцами, у себя перед глазами, будто убаюкивая сам себя.

– Мне тесно, отец... Это не скука и не лень. Да, я часто жалуюсь, мол, делать нечего в эдакой клетушке. Куда ни ткнись – упруешься в стену. Странно быть богом и постоянно ощущать свою ущербность. Этот лживый фронтир каждый день ухмыляется мне в лицо – ну, и как далеко простирается твоя божественность? А как насчет перешагнуть через меня? И еще этот постоянный рикошет... Словно щелчки кто дает. Обидно так, по лбу. Малейшее возмущение здешнего проклятого спокойствия, чуть-чуть божественного произвола, – и Гарм пренебрежительно скривил губы – и тебя тут же ставят на место. Людские маги, и те плачутся на скудость своих сил. Взывают... просят...

– Ты снисходишь до общения со смертными? – поинтересовался Сурт.

– Так же, как и вы. – И Гарм улыбнулся. – Как мой младший брат, тот, в Шаммахе? Уже вырос из пеленок?

– Уже. Способный мальчик, даже слишком.

Они замолчали. Наконец Сурт прервал затянувшуюся паузу.

– Вот что, сын. Про тавлеи ты можешь забыть – никто из нас не станет играть с тобой. А значит, надо искать другой путь... – он присел на колени рядом с лежащим сыном, отвел от его лица раскачивающийся ртутный треугольник. – Ты давно не был у восточных ворот?

– Что? Так туда вообще никто не ходит. – Взгляд Гарма прояснился, стал цепким и любопытным. – Восточные врата, вы говорите?

– Именно. Если мы откроем их... – Сурт подчеркнул первое слово – То получим все и сразу, и быть может, даже больше, чем ожидаем. Или ничего...

– Но как же то, что осталось за вратами?

– Это ты о Прорве беспокоишься? Я думаю, что если бы ее голод не был тогда утолен, вряд ли ее удержали бы наши слабые заветы. Что-то произошло там тогда... Вот что. Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Боги миновали анфиладу покоев, простых и причудливых; коридор вывел их к витой лестнице, ведущей в одну из башен. На самой ее вершине и был тот самый единственный портал Обитаемого Мира – бесполезный и бездействующий. Лестница закончилась, и дальше идти было некуда. Небольшой зал, куда вышли отец и сын, был на удивление скромнен – никаких украшений или архитектурных изысков. Черный каменный пол, серые стены, в которых прорублены узкие, длинные окна, заставляющие ветер протискиваться и сердито свистеть, обдирая бока. И одна-единственная дверь. Две створки, обрамленные диким камнем, перекрыты тяжелой деревянной балкой засова, в массивных петлях висят замки.

– Неплохо постарались... – одобрительно говорит Сурт. – Только стражи не хватает. А теперь посмотри... – и он указывает Гарму куда-то вверх. Там, где створки, смыкаясь, образуют острый угол, из каменной обкладки выпал маленький кусочек, а на его месте беспокойно темнеет пустота.

– Ты знал об этом? – Сурт вопросительно заглядывает в глаза сыну.

– Ну... догадывался, в общем. Только не думал, что это именно здесь. Одно время даже искал – думал, правда, что будет что-то более заметное, все-таки выход в Смерть как-никак... Так значит, частицы первородного огня нашли себе лазейку.

– Нашли.

– Отец... – помолчав с минуту, тихо спрашивает Гарм, – Что там, за Вратами?

– Беспредельность... Абсолют великой Пустоты, безвременье и недвиженье, являющие и поглощающие в свой черед.

Сурт вынимает из-за пазухи осколок льда, закрепленный несколькими витками серебряной проволоки, легко вынимает лед и, подойдя к двери, вставляет его на место выпавшего камня. Гарм невольно отступает на шаг назад – мало ли что... но, как ни странно, ничего не происходит. Будто замочную скважину прикрыли, не более. Не говоря ни слова, Сурт отходит и делает знак сыну – уходить. Уже на лестнице он негромко говорит:

– Нужна сила, сын. Меня и тебя не хватит, чтобы снять все эти замки и засовы, а помогать нам никто не станет.

– Это верно. Но я могу чем-то помочь?

– Можешь. – Сурт коротко вздыхает. – Льду нужен огонь. И немало...

Гарм понимающе кивнул; помрачнев, он глядел себе под ноги. Опять смертным раскошелиться, думает он про себя.

– Иначе нельзя. – Угадывает мысли сына Сурт.

* * *

Великий Князь Одайна, по традиции безымянный, с недоверием оглядел приехавшего из Краглы королевского посланника. Молодой, вежливый, с холодными неулыбчивыми гла-

зами, светло-серыми, как северное море; «знаю я таких...», думал Князь, «мягко стелет, жестко спать... и чего этим бандитам морским от нас надобно?»

– Князь соблаговолил выслушать послание моего короля. Каково будет слово Князя? – юноша поклонился и испытующе посмотрел на Князя.

– А что тут говорить. Только прежнее повторять. Больше, чем прежде, не можем мы вам дерева дать. Хоть озолотите. Это только трава сорная вприпрыжку растет, а лесу время надобно.

И Князь сердито засопел. Он с самого начала витиеватой речи посланника понял, к чему клонит Крагла. Флот великий задумали строить, мало им нынешнего, еще подай. Небось, на море Покоя зарятся. И пускай, Князю оно без надобности... вот только лес Крагла только в Одаине купить может. В Эригоне он дороже, в Арзахеле отродясь не торгуют, только чванятся, в Маноре не леса, а одно название, а эльфы... те за одно предложение вырубить строевой лес могут и к праотцам отправить. Все бы ничего, только Одаин и Крагла – старые друзья, и северяне не раз свою дружбу доказывали, и мечами, и золотом, и отказывать им не след. Это первое. А второе... единственная дочь Князя давным-давно была просватана за старшего сына короля Краглы, да не просто по воле родителей, а по собственному желанию. И Князю (да и соседу его тоже) не раз в голову такая мысль забредала – а что, если бы эльфий лес, что Одаин и Краглу разделяет, в собственное владение получить... тогда, глядишь, внуки в наследство получили бы такое королевство, с которым в Обитаемом Море никто бы спорить и ссориться не стал. Даже Шаммах. А эльфы... ну что эльфы... их мало, хватит на них лесов и в восточных землях, поближе к Краю Света.

Пока Князь в который раз обдумывал все это, посланник стоял молча, рассматривая собственные сапоги. И когда князь готов уже был произнести слова отказа, он поклонился и тихо сказал:

– Да простит мне Князь мою вольность, но молчание мое стало бы нерадивостью, а она еще более непростительна.

И слово в слово он повторил Князю все то, о чем тот только что думал. Добавив про наступающий на пятки Арзахель.

– Что ж... возразить мне нечего. – Князь встал, прошел к окну. – Так тебя твой король чего испросить-то велел – леса или войны?

– Князь поймет и простит меня, если я отвечу, что не уполномочен отвечать за короля Краглы.

– Ну-ну... Ладно, ступай. И скажи своему королю, что дочь Князя Одаинского не бесприданница какая... – тут Князь оборвал себя. Он слишком хорошо знал, что приданое княжны оставляло желать лучшего, и если бы не взаимная склонность обрученных, то Крагла легко нашла бы невесту намного богаче – и наследными землями, и золотом. – Ну, ступай... – и Князь махнул рукой.

Великому Князю легко сказать – увеличьте налоги. Посланникам еще легче передать вассалам его волю. Вассалам, тем не так уж трудно собрать отряды и нагнать страху на подвластные деревни. А вот что прикажете делать тем, с кого спрашивают вдвое против прежнего поднятый налог? Отдать последнее и помереть с голоду?

Спасибо, находятся умные головы, намекают, что, мол, лес строевой нынче в цене, и одна вырубка налог покрывает. А что лес тот в эльфьих владениях – так то уж эльфья беда, не людская.

– Ну что вытаращился, остроухий? – нарочито грубо говорит молодой мужик, вытирая пот со лба. Он стоит возле только что поваленной сосны, готовясь обрубить сучья. Рядом с ним еще трое – все с топорами и пилами.

– Что смотришь? Иди-ка отсюда подобру-поздорову. Не ровен час, зашибет.

– Это не твоя земля... человек. – Эльф, не отрываясь, смотрит на лежащий на земле золотистый ствол.

– А чья? Твоя, что ль? – парень кривит рот в усмешке. – А хоть и твоя... все едино. Мне, остроухий, – топор отсекает темно-зеленую ветку, – семью кормить надо. Мне либо лес твой порубить, либо по миру пойти. А у меня хозяйка прибавления ждет. – Топор поднимается и опускается с равномерностью маятника. – А леса твои... еще нарastут. Достанет с тебя, ишь, на полмира расползлись, ровно сорняки.

* * *

Однажды Фенри застает брата-близнеца в саду сидящим возле скалы – той, из которой бьет родник.

– Брат... тебя будто кто тянет к этой игрушке, – и Фенри уселся рядом. – Прямо смотреть жаль... так руки и чешутся, да? – и он неизбежно засмеялся.

Гарм в ответ обезоруживающе развел руками. Фенри, все еще смеясь, взял деревянную чашу, встряхнул ее и протянул брату.

– Так давай сыграем! Все равно, на что. Хочешь, разыграем Великие Леса? Кому они в итоге достанутся... Ты за кого играешь?

Вопрос был излишним. Гарм терпеть не мог альвов.

...Летят на траву истертые игральные кости. Золотые фигурки передвигаются по вышитому плату. Эльфы и люди; полководцы и короли; предатели и герои. Светлый полдень застает братьев заканчивающими партию – один из эльфьих королей, пройдя сквозь все хитросплетения узора, берет гладкую монетку и, торжествуя, поднимает ее вверх. Солнце вспыхивает на золотом диске; Гарм чуть прижмуривает глаза.

– Партия твоя, брат. И все же я думаю, что приграничные леса останутся за людьми. А твои остроухие хороши, ничего не скажешь.

– Это их леса, Гарм. Сам знаешь, они к ним не как к наследным владениям относятся – скорее как к части себя.

– Причем лучшей. – Скорчив брату гримасу, Гарм убрал фигурки в чашу и поставил ее в траву, у подножия скалы.

Через несколько месяцев уже Гарм предлагает брату разыграть партию в тавлеи – уж очень любопытно узнать, кто отвоюет себе право дать имя Безымянному Хребту? Итогом партии заинтересовался даже их отец – оба предводителя, и гном, и цверг, буквально в двух шагах от вожаемой монетки попали в мертвые узлы. «Вот ведь... нейдет им», – качает головой Сурт, – «Жили бы себе спокойно, места под горами хватает, ремесло они поделили, чего же еще?»

– Может, им общего врага не хватает? – спрашивает Фенри.

– Общего врага? Думаешь, их объединит угроза? Хм...

– Идея неплоха, но кто? – Гарм собирает фигурки в чашу. – Драконов здесь только в книжках рисуют, как редкость необыкновенную. Если кто у Края Света тень крыльев виверны увидал – либо от страха помирает, либо от счастья, что такое увидеть сподобился. Люди с низкорослыми воевать не станут, потому как невыгодно.

– Раз так, врага можно и создать – во имя сохранения расы... – Сурт улыбается, но тон его совершенно серьезен.

– Опять монстров плодить? Если только Фенри возьмется, у него они лучше получаются. К тому же он давно не спускался в Обитаемый Мир... прогуляется лишний раз. А, Фенри?

– Можно... – Фенри встает, потягивается и встряхивает кистями. – Врага им нужно? Будет им враг.

Созданные Фенри не без остроумия подгорные крысы первое время действительно причиняли немало беспокойства и гномам, и цвергам, заставив их забыть друг о друге. Однако спустя несколько месяцев эти милейшие твари почему-то избрали своими врагами орков; видимо, сказалась привычка Фенри давать своим созданиям слишком много свободы воли. В другое время Фенри здорово влетело бы, и не от отца, а от матери, но в Обитаемом Мире и без подгорных крыс забот поприбавилось. То и дело, по непонятным причинам, вспыхивали мелкие войны, что ни месяц – появлялись пророки, сулящие миру скорую гибель и вовлекающие толпы неразумных в самоубийственные ритуалы, сильные и облеченные властью совершали непростительные ошибки, а слабые расплачивались за них, проклиная день, подаривший им жизнь. Маленький, уютный Обитаемый Мир стал неспокоен и нерадостен.

* * *

Призыв отца застал Гарма в глубине океана, где он плавал наперегонки с любимыми им акулами (его забавляли их тупорылые, глуповатые морды с наивными веселыми глазками); услышав его, Гарм изогнулся, меняя направление, и поплыл к дому, обгоняя свет, пытающийся пронизать черно-зеленую толщу воды. Через несколько секунд бог исчез, ибо голос отца был тревожен и он решил поторопиться.

Перешагнув порог залы Восточных Врат, Гарм увидел, что явился туда последним. У самих Врат стоял Сурт и, судя по выражению его лица, ничего хорошего для себя не ждал. Против него стояли Нум, Нима и Фенри; последний – опустив голову и руки. Гарм встряхнул волосами, роняя на пол холодные соленые капли, и прошел к Вратам, встав рядом с отцом.

– Гарм, прошу тебя, уйди. – В голосе Нимы не было повелительных или сердитых нот, она действительно просила.

Ее сын даже не ответил. Он только вопросительно посмотрел на отца. Тот невесело усмехнулся.

– Твой брат забеспокоился о судьбах этого мира – слишком многие беды одолевают его. Решил, что нечто враждебное проникает извне, извращая и разрушая – вот и поспешил сюда. Хорошо хоть я успел прежде него достать свой камень...

В руке Сурта темным, почти черным пламенем рдел прежде прозрачный алмаз; прищурившись, Гарм увидел, как живет, пульсирует, дышит его глубина. Сурт сжал руку в кулак.

– Ты опять за прежнее, Сурт. – Нум, судя по голосу, был раздражен. – Неужели прежний урок ничему тебя не научил? Мало тебе всего прежнего мира, хочешь и остаток Прорве скормить?!

– Смотри-ка, а ты отважился ее имя произнести... – издевательски протянул Гарм.

– Тише. – Одернул его Сурт. – Нум, ты не хуже меня знаешь, что если бы Несыть пожелала, то ни нас, ни этого мирка давно бы не было. Так что скажи лучше, что просто желаешь любой ценой оставить все, как есть... в покое. Даже если это покой болота.

– Лучше покой болота, чем пустота. – Это сказала Нима.

– Да нет никакой пустоты! Мы закрылись здесь, как испуганные дети в чулане, будто в карман спрятались... Нима, сколько раз я говорил тебе – нет той пустоты, которой вы призывали бояться. И никогда не было. Есть лишь Несбывшееся и Невоплощенное, что жаждет лишь одного – жизни. И мы можем дать эту жизнь. Или мы не боги?!.. – и Сурт засмеялся.

– Хватит! – Нум шагнул вперед. – Довольно! Зачем ты напитал осколок изначального льда первородным огнем? Никто из нас не решится использовать такую мощь в столь тесных пределах. Ты хоть понимаешь, что одного раскрытия этого камня хватит, чтобы от всего сущего осталась горстка пепла?

– Ты всегда преувеличивал, Нум... и решительностью тоже не отличался.
– Что ты задумал, Сурт? – голос Нимы был тих и печален.
– Открыть Врата... для начала. Потом... вернуть Миру бесконечность. Творить. Разрушать. Скользить по бесчисленным отражениям Сферы. Дети мои... нас удерживают не Врата, но постыдный для богов страх.

Тишина заполнила залу. Боги стояли молча, не глядя друг на друга. Мир замер, ожидая решения своей судьбы.

– Гарм. – Сурт кивнул сыну, – Сын мой, открывай Врата – насколько сможешь. Я помогу.
Гарм улыбнулся отцу в ответ. Он, стоящий у Восточных Врат, менее всего был похож на бога. Его шутовские одежды были насквозь промокшими, с длинных светлых волос все еще капала вода, на лице красовался рисунок, сделанный ядовито-красной краской, охватывающий глаза, скулы и часть лба. Босые ноги нетерпеливо переминались на холодном каменном полу. Не обращая на застывших напротив родичей ни малейшего внимания, Гарм достал из подвешенных на низком поясе ножен длинный, узкий кинжал и одним резким ударом вогнал его в дверную щель. А потом, не заботясь ни о том, хватит ли его сил на такое деяние, ни о том, что может ожидать их всех за пределами Врат, Гарм принялся поворачивать кинжал. Как всегда, ведя заклятие, он пел. Сейчас его голос, и без того низкий и терпкий, приобрел тембр и звучание земных недр, разрывааемых землетрясением... грома, сотрясающего небо после месяца жестокой засухи... И двери, казалось бы, закрытые безнадежно, поддались. Застонал замок, трещина побежала по его дужке... Голос Гарма дрогнул на секунду, молодой бог пошатнулся – и устоял. И не прервал заклятия, не отпустил рукоять кинжала, продолжая поворачивать ее, раздирая, уничтожая прежние охранные чары.

– Фенри! Спасай брата! – Нима успела крикнуть это за долю мгновения до того, как...
Как выросшая из ее пальцев осока, острая и гибкая, как бритва, полоснула богиню по тыльной стороне руки. Нима взмахнула рукой и тяжелые, пахнущие полынью, багряные капли слетели с травяных лезвий и упали на лицо Гарма. Несколько выкрикнутых слов довершили проклятие – ее старший сын замер и с еле слышным стоном бессильно опустился на каменный пол.

– Ну же! Уноси его! Прочь! – Нима толкнула Фенри к брату. Фенри подошел к проклятому, принял его на руки и неверными шагами отошел к стене. Было видно, что он не верит в реальность происходящего, как ребенок пряча взгляд от пугающего зрелища. Только что его мать прокляла его старшего брата – кровь Нимы отняла у Гарма все его силы, низведя молодого бога до уровня какого-нибудь жалкого привидения или малютки эллила.

– Сурт. Отдай камень. – Нима хрипло перевела дыхание. – Отдай.

– Нет. – И прежде, чем богиня успела хоть что-то сделать, Сурт ударил свободной рукой по рукояти кинжала. Замок с неправдоподобно гулким, ватным стуком упал на пол. Скобы засова еле держались в стене.

Нум напал на Сурта первым; но если когда-то они бились один на один, то теперь бок о бок с ним нападала сестра.

...Фенри не любил летать на сотворенных крыльях, растущих на спине; он всегда предпочитал перекидывать в могучие орлиные крылья собственные руки, чтобы наслаждаться полнотой полета, чувствовать ветер, ворошить облака. Но сейчас ему пришлось воспользоваться именно сотворенными крыльями, ибо на руках он держал брата. Фенри еле успел покинуть залу Восточных Врат – вернее сказать, его попросту вышвырнуло в небо.

Сурт, не дожидаясь, пока брат с сестрой обессилят его, понимая, что воспользоваться камнем так, как было задумано, он не сможет – но и не желая растрачивать накопленную мощь на то, чтобы уничтожить противников, – попросту избавился от него. Он швырнул камень вверх... пробив крышу Восточной Башни, тот со свистом ушел в облака.

Сурт еще успел отразить удар Нума, но вот чары Нимы ударили по нему, вскользь задев дверь. Но этого вполне хватило, чтобы обрушились скобы, роняя тяжеленный засов. Врата стали отворяться.

Что происходило в башне, так и осталось неизвестным. Столкнувшиеся в ярости силы богов могли только разрушать. Фенри, крепко прижимая к себе безжизненное тело брата, сделал шаг назад – и, подхваченный воздушной волной, краем глаза успел увидеть, как рушилась башенная стена. Он завис в воздухе, переводя дыхание и пытаясь хоть что-то сделать здесь, где все, кроме него, уже сказали свое слово. Но было поздно. Дом богов рушился. Из его глубин начала подниматься огромная воронка смерча, готового поглотить все сущее. И тут до слуха Фенри донесся слабый крик:

– Спасайтесь!

Фенри готов был поклясться, что это были голоса его отца и матери. Не раздумывая ни секунды, он развернулся и изо всех сил поспешил прочь, унося брата и самого себя от места беды.

У самого южного края земной тверди силы Фенри иссякли. С трудом взмахивая крыльями, он опустился на пустынном берегу, поросшем степными травами, не отмеченном никакими следами обитания живых существ. Мягко, почти нежно уложил тело брата на теплый, сухой травяной ковер. Гарм был нехорошо, иссиня бледен, там, куда попали капли крови Нимы, багровели ожоги, дышал он медленно и вяло. Фенри сел рядом, уложив голову Гарма себе на колени, и призадумался. Ну вот, все же ему придется сказать свое слово. Так уж получилось, что он единственный уцелел в этой нелепой, самоубийственной схватке. Последний из Богов Прежнего Мира... Что с того, что Гарм еще жив? Даже если он очнется, то вряд ли его сил достанет, чтобы хоть крохотный дождик вызвать.

Гарм... неумный, непоседливый, вечный шалопай и озорник, чьи шутки порой граничили с оскорблением (Фенри вспомнил осу, засунутую в его перчатку... дохлого вонючего спрута, подвешенного под потолком его комнаты вместо люстры), но кто неизменно брал на себя вину за все их общие проделки. Гарм... постоянно щеголявший пятью минутами старшинства, показушник и похвальбишка, бессовестно использовавший доверчивость брата, – он всегда защищал Фенри, исправлял все его ошибки, а если и сердился по-настоящему – то быстро прощал. Гарм. Последний из Богов, в котором тлела искра крови Хакона. Дух противоречия. Беспокойство и сомнение. Ему только дай волю, он все с ног на голову поставит, чтобы убедиться – а не лучше ли так? Все накопленное растратит, пустит по ветру все семейное золото, чтобы полюбоваться – а красиво ли летит? Ни покоя с такими, ни уверенности... и веры таким тоже нет. Гарм Разрушитель. Как же спокойно будет без тебя...

– Брат, что делать-то будем? – растерянно спросил Фенри, глядя на непривычно спокойное лицо Гарма. Сколько раз задавал он ему этот вопрос... Боги, рожденные в Обитаемом Море, наделенные могуществом и силами, слишком часто слышали от старших богов о великолепии и безмерности Прежнего Мира – немудрено, что их обиталище стало казаться им тесным. Особенно Гарму. От скуки братья нередко совершали выходки, недостойные не то что богов, но даже и магов средней руки. А потом и звучал тот самый вопрос.

Сейчас Фенри предстояло решить, что же для него важнее – воля матери или жизнь брата. Он понимал, что если решится снять проклятие, то в лучшем случае утратит значительную часть своих сил, рискуя угаснуть совсем. Каково это для бога – умереть?.. Или остаться одному? Один мир – один бог. И никто не помешает хранить его покой...

Фенри наклонился к брату, отвел с его лица все еще влажную прядь волос, погладил холодную щеку. А потом медленно, но не раздумывая, достал свой кинжал – близнец гармова, оставленного в Восточных Вратах, – и обвил левую руку спиральной, поднимающейся от локтя к запястью, нитью пореза. Встал на колени над телом Гарма, опустил руку так, что пальцы замерли невысоко над еле дышащей грудью. В воздухе запахло полынью.

Кровь капельками стекала по пурпурной линии и сбегала вдоль пальцев, замирая на их кончиках.

– Гарм! Прими мой дар!.. – и Фенри роняет искупление на грудь брату, отдавая ему свои силы, свое могущество и власть.

Падают капли, светло-карминные, пахнущие свежо и пронзительно – молод еще отдающий их бог. Молод и нерасчетлив. Не замечает, как подкрадывается к нему самому серая бледность, вползая все выше по его щекам, как карабкается по его рукам слабость. Плечи Фенри дрожат, странно блекнут блестящие волосы цвета грозовой тучи, лиловеют губы.

– Хватит! – кто-то перехватывает окровавленную руку и Фенри падает без сил. Но не на землю, а в объятия Гарма. Тот еле успел приподняться, встать на колени – и обнять брата, поддержать его, не дать упасть.

– Дурачок... – все еще тяжело дыша, Гарм крепко обнимает Фенри. – Зачем мне столько... Куда я без тебя...

Позже они сидят на краю обрыва, свесив ноги и изредка швыряя в воду камешки. Оба бледны и невеселы.

– Сколько у нас осталось? Ты как думаешь? – спрашивает Фенри.

– Ну... я так думаю, поровну. Пара огрызков... – и Гарм усмехается.

– Что будем делать? Огрызки или нет, но мы все еще боги. – И Фенри морщится, неловко задев левую руку.

– Я домой. – Гарм швыряет камешек далеко-далеко.

– Зачем?

– Посмотреть, что там осталось – и что случилось. Ты со мной?

– Пожалуй... да.

Когда боги возвращаются на место их прежнего дома, то вместо океанских волн их встречает пустыня. Сами развалины переместились вглубь континента. Прежние леса обернулись цепью ржавых скал, крошечные оазисы, прячущиеся в бескрайних песках, – вот все, что осталось от волшебных садов Нимы. На месте прежнего дома – жуткий каменный остов скалит выщербленные клыки, не мигая, смотрит провалами бывших дверей и окон. От него веет смертным холодом; даже боги не решаются вот так сразу подойти к нему.

Гарм и Фенри выбирают местечко возле ржаво-красной скалы, садятся прямо на песок.

– Вряд ли этим все закончится, – Гарм кивает в сторону развалин, – слишком много силы пролилось зазря. Чувствуешь? Земля напитана ядом... интересно, что она породит?

– Не знаю. – Мрачно смотрит себе под ноги его брат. – Дурное место. Сердце зла.

– Сердце зла? А что, неплохое название... особенно на шаммахитском. Арр-Мурра. Так и назову.

– Зачем? Ты же знаешь, мы даем имена только тем местам, где живем сами.

– Значит, я буду жить в Арр-Мурра. – Гарм подмигивает брату.

– Твоя воля... – Фенри тяжело вздыхает, но он не особенно удивлен. С самого начала он предчувствовал, что его брат останется здесь. – Ты... остаешься?

– Да. А ты?

– А я уйду. Не по мне все это. Отец с матерью друг друга поубивали... мать тебя прокляла... дядя мне вслед молнией шаровой запустил – из-за тебя, наверно. Нет, брат, я в такие игры более не играю. Хватит.

Фенри встает и задумчиво оглядывает себя. Потом встряхивает кистями, будто воду разбрызгивает, – и весь его внешний облик меняется. Исчезает черная строгая одежда, двузубый венец... вместо них появляются широкие, яркие одежды, а волосы сами собой заплетаются в бесчисленные косички, перевитые серебряными колокольчиками. Бог переступает босыми ногами и колокольчики заливаются тихим, щекощущим смехом. На лице Фенри появляется довольная улыбка.

– Так-то лучше. Знаешь, Гарм, я, пожалуй, имя тоже сменю. Прежнее мне теперь не по рангу – силы не те, так возьму какое позвонче... почуднее...

– Почуднее – это на старосуртонском. – Гарм одобительно смотрит на брата.

– Хорошо. Пусть будет... Лимпэнг-Танг!

– Лимпэнг-Танг? Динь-Дон?! Трень-Брень?! – смеется Гарм. – Ничего себе имечко для бога...

– Это ты от зависти. Звон беспечального колокольчика – самое лучшее имя для бога шутов и артистов.

Лимпэнг-Танг, улыбаясь, смотрит на брата. Он похож на студента, сдавшего ненавистные экзамены и готового удрать на каникулы.

– Я приведу в мир шутов и немного веселья. У меня будут лучшие артисты... я смогу танцевать вместе с ними. Довольно мы докучали Кратко Живущим нашим могуществом. Вот ведь скучотища... А ты, Гарм?

– Я? – Гарм встает. – Я же сказал. Мое место здесь. И имя мое останется прежним. Что силы? Восстановлю как-нибудь.

– Что же ты будешь делать здесь, в Арр-Мурра?

– Искать выход. Восточные Врата нельзя разрушить... Да и камень отцов поищу. Одним словом, буду доигрывать один.

– Решение, достойное бога... – братья смотрят друг на друга и смеются. Что-то произошло с ними после падения дома богов, будто надломилось что-то. Они ни слова не говорят о бесследно исчезнувших родителях, память о прежних днях покинула их. И, продолжая любить друг друга, они тем не менее расстаются легко и беззаботно, признавая право каждого на свой путь. Один уйдет в мир Смертных, чтобы развлечься самому и развеселить почитающих его. Другой – останется в проклятой земле, искать выхода за пределы мира; он по-прежнему считает его клеткой и сделает все, чтобы разрушить ее и обрести свободу.

Братья обнимаются... и расходятся. Лимпэнг-Танг доходит до расщелины в скале и исчезает. Гарм, помедлив минуту, направляется прямо к развалинам. Песок гасит звук его шагов; тень полуразрушенной стены накрывает бога, меняя его облик. Исчезают пестрые краски одежды, стираются рисунки на коже... теперь Гарм одет в черное, просто и строго, светлые волосы стянуты в хвост и спадают тремя косами на спину. Когда он ступает на высокий каменный порог, за плечами его появляются два меча. Гарм прижимает правую руку к груди и легко кланяется, будто приветствует кого... и входит в дом.

Хроники дома Эркина

– ...Что тут скажешь... неплохо, мальчик мой, неплохо. – Старик ободряюще улыбнулся. Мальчишке, к которому были обращены и слова, и улыбка, было лет двенадцать. Он сидел напротив старика прямо на земле, уже успевшей промерзнуть ко дню Самайна, но замерзшим не выглядел, хотя волосы его заиндевели.

– Немногие устаиваются чести обрести такое полное и осмысленное видение в свой первый транс. – Старик присел рядом с мальчиком, спрятал руки в просторные рукава. – Я тут уже с полчаса стою, за тобой наблюдаю.

– Мастер, а откуда вы знаете, что мне привиделось? – мальчишка кашлянул, стараясь, чтобы голос его не казался совсем уж осипшим.

– Да уж знаю... – важно кивнул головой его собеседник, – тут многое значимо. Как ты дышишь. В какие цвета аура окрашивается. Как выходишь из транса. Так что ты толком успел увидеть?

– Многое. – Несколько недоумевая, ответил юнец. – Историю Прежних Богов... божественных Близнецов. Падение дома Богов... – он шумно выдохнул. – Уф, неразбериха какая в голове. Будто лоскутное одеяло собирал... какой лоскуток – куда...

– Ну-ну... разберешься потом, успеешь. Ты как сам-то? – поинтересовался старик, прищурив глаза.

– Ну... прямо сказать – не слишком. – Паренек с трудом приподнялся, ноги его совсем затекли, а то и примерзли к земле. Мальчишка все же встал, пошатнулся... и упал. Но не сам. Ему помогли. Тот самый старик, в котором он признал своего наставника, мастера-шамана. Он подсек парнишку под ноги, опрокинул лицом вниз, споро скрутил затекшие орочьи руки, забил в рот кляп.

– Так-то лучше. Для меня, конечно. – Голос старика резко изменился, в нем появились свистящие, хищные нотки и горловое прищелкивание, отличавшие голоса подгорных крыс.

Происходившее дальше показалось орку (кстати сказать, звали его Ульфр и он готовился стать шаманом, заменив после всех надлежащих испытаний прежнего, старого мастера – именно его облик и приняла крыса) диким сном. Его вздернули на ноги, грубо, не церемонясь, пинком подогнали к вековой сосне и принялись приматывать его к холодному, шелушащемуся стволу.

Это испытание (которое, к слову сказать, Ульфр прошел несказанно удачно – если, конечно, не считать финала) проходило в удаленном от поселения месте, уединенной котловине, скрытой в предгорьях Края Света. Здесь никто отродясь не жил, поскольку среди орков не было принято строить дома возле капищ и прочих не слишком уютных мест. Будущий шаман удалялся сюда один, наставник сопровождал его только до поляны, где неофит должен был постигать судьбы мира, погружившись в транс (это достигалось довольно просто – мальчишка должен был просидеть здесь всю священную для орков ночь Самайна, когда иссякала светлая половина года и всходила на престол темная... в темноте и холоде, обнаженный по пояс, покрытый сетью ритуальных порезов – девять на груди, двенадцать на спине и двадцать четыре на руках, на каждой по дюжине... только и всего). Мастер приходил уже под утро, присмотреть за возвращающимся из запредельных областей учеником, в случае чего, помочь дойти до ближайшего жилья. Или похоронить.

Так что на помощь Ульфру рассчитывать не приходилось. Что задумали крысы, понять было нетрудно – уж явно не за советом они к нему явились. Непонятно, откуда они вызнали об удивительных способностях будущего шамана, грозивших превратить его в погибель крысиного племени, но – не так это и важно, особенно когда стоишь, намертво прикрученный к дереву, еле живой от холода и потери крови, все еще ошалелый от принятых видений. Ульфр встряхнул головой, осмотрелся. Старик оказался не единственным, посетившим капище. На поляну, воровато оглядываясь, поводя носами, вышмыгнули три крысы, все как на подбор – крепкие, поджарые, крепкозубые. С такими не всякий взрослый орк справится – в одиночку, разумеется. Ульфр мысленно застонал. Ясное дело, они его сейчас порешат. Как не хочется-то. Ну никак не хочется.

Крысы явно не собирались откладывать дело в долгий ящик и обставлять смерть мальчишки какими-то особыми церемониями; но и просто перерезать ему горло они не хотели –

слишком скучно. Они обложили ноги Ульффра заранее приготовленными вязанками сухого хвоста, подожгли его. Легко взвился белесый дымок, еле различимый в серо-молочном предутреннем сумраке. Крысы, сев кружком вокруг привязанного, в предвкушении скорой трапезы поводили носами, шерили острые блестящие зубы. Чуть прожаренное орочье мясо, сорванное с еще живой, визжащей, трепыхающейся добычи – что может быть лучше...

Ульфр, почуяв жар, подбирающийся к босым ногам, подобрался, сжался в комок, чувствуя, как терзают изрезанную кожу грубые веревки. Все плыло у него перед глазами, стволы сосен превращались в колоннаду, уводящую его дух вглубь дома Богов, клочья тумана, повисшие на кустах, представлялись орку шелковыми платками, которые обронили феи, напуганные несносными близнецами... Внезапно зрение его прояснилось, обострился слух, все ощущения стали ясны и четки до боли. И Ульфр будто нырнул в колодец памяти – своей собственной, своих предков, своих сокровников. Глубокий колодец, стенки которого покрыты капельками крови.

«... я буду служить тебе, твоему роду... дам силы выжить там, где погибнет даже надежда...»

Ульфр почувствовал, как шевельнулся на его груди камень – его называли алмазом темной крови, и мальчишка получил его от отца, в тот самый день, когда отправился в обучение к шаману. Орку не понадобились слова, чтобы они с камнем поняли друг друга. Веревки Ульфр порвал так, будто это были гнилые нитки. Презрительно оглядел застывших в недоумевающем ужасе крыс и вместо того, чтобы бежать, раскинул руки, выпуская силу, томившуюся в прозрачной черноте камня. Огонь, вырвавшийся из алмаза, шел стеной высотой в рост велигоры; сам же Ульфр так и остался в самом сердце пламени.

Поляну выжгло в полминуты; пламя, пожрав крыс, постепенно вернулось к Ульфру, будто втянувшись в камень, висевший на его шее. Орк стоял, опустив голову, дыша ровно и спокойно. Почувствовав на опаленной, покрытой сетью запекшихся кровью порезов коже первые осторожные солнечные лучи, он поднял навстречу им лицо. И открыл глаза – серебряные, перерезанные узким веретеном черного зрачка.

Так шаман Ульфр стал родоначальником клана Крысоловов. Благодаря его удивительным способностям постигать все повадки и хитрости крыс, отслеживать и достигать их в темной тесноте подгорных коридоров, орки наконец-то стали одерживать верх в борьбе, длившейся уже сотню лет. Дети Ульффра унаследовали его дар, передав его своим детям. Крысоловы больше и выше всех чтили день Самайна, и именно от них пошла у народа темной крови традиция разжигать первой ночью темной половины года высокие костры и славить богов.

Глава третья. Танцовщицы Нимы

– А ты все такая же лысая, как я посмотрю?

– И по-прежнему нет конца твоему носу...

Обменявшись такими словами, две молодые женщины рассмеялись и принялись обниматься. Они прибыли в храм Нимы самыми последними – Гинивара потому, что путь из Нильгау не близок и не легок, Амариллис потому, что задержалась в доме аш-Шудаха, уж очень приветливо ее там встречали.

В комнате уже сидели их подруги, коротая время в беседе с госпожой Эниджей.

– О боги... будто и не было этих четырех лет. Надо же, ведь никто не изменился!.. – И Эниджа встала, чтобы обнять опоздавших учениц. – Ну что, девочки... ступайте в вашу комнату, она свободна. Располагайтесь, отдохните с дороги – и марш в малый зал, встряска вам не помешает. Завтра вам предстоит танцевать для самой Нимы и я хочу проверить, на что вы потратили эти четыре года.

– А я научилась делать вот так... – и Муна, дурачась, принялась преувеличенно страстно изгибаться в самой непристойной разновидности шаммахитского танца.

– Браво. – сдержанно усмехнулась Эниджа. – Только богине это вряд ли понравится, да и грудь у тебя маловата для таких плясок. Да, и сделай-ка полсотни «закатов-рассветов», а то бедра совсем невыразительны... вихляются как ножки у старого стула. И нечего хихикать, девочки, я сама спущусь к вам в зал и уж поверьте, всем вам хватит... моего внимания.

Смеясь и болтая, собравшиеся проследовали памятной дорогой в свою старую комнату, на протяжении двух лет бывшей их пристанищем. Муна заранее причитала по поводу последствий полусотни «закатов-рассветов», упражнения, которое в свое время заставило ее не раз глотать слезы от боли в каменеющих от напряжения мышцах.

– О Нима Сладкосердечная!.. Как сейчас помню – носки вывернешь наружу, колени разведешь и приседаешь... меееееделенно... и поднимаешься... еще меееееделеннее! И спина прямая! И руки как крылья! О боги! – и северянка застонала, прикусив губу.

Ксилла – все та же фарфоровая статуэтка, маленькая драгоценность. Лалик, сердечная подружка, похожая на розу, горячую от полуденных солнечных лучей. Гинивара, потерявшая некоторую угловатость и резкость... видимо, общение с лианами пошло ей на пользу, научив мягкой гибкости. И Амариллис.

Она поднималась по широким ступеням и ей казалось, что дорога, по которой она идет вот уже два десятка лет, вдруг резко свернула, замкнулась в круг, привела ее назад, обманув само время. Будто и не было ничего. И только вчера аш-Шудах привел ее в школу танцев. И все у нее впереди – годы учения, первые выступления, погоня за славой. Амариллис забыла о том, что все это у нее уже есть. Особенно слава. Она глянула на подруг – все они улыбались, безотчетно и робко, как ученицы.

Комната, в которую поднялись танцовщицы, встретила их теплой простотой и воспоминаниями. Они оглядывались, качая головами и вздыхая. Кому-то из них она казалась когда-то верхом роскоши, другие, напротив, удивились скромности обстановки. Кровати, застеленные шелковыми расшитыми покрывалами, шкафчик с книгами, зеркала повсюду... Гинивара решительно прошла к своей постели и повалилась навзничь, со вздохом облегчения, столь естественным после долгой дороги.

– Вот ведь чушка нильгайская... – Амариллис увернулась от метко брошенной туфельки. – Нет чтобы искупаться сначала...

– Успеется. Уж лучше я полежу, а то Эниджа как примется нас гонять, сто потов сойдет.

Дорожные сундуки приехавших уже были расставлены возле их кроватей, а поверх покрывал была предусмотрительно разложена простая пара – туника и шаровары – в которой занимались танцовщицы школы Нимы.

– Неужели это наши костюмы? Ох, боюсь, я в свой не влезу... – Лалик с опаской примерила пояс шаровар к своей талии. – Ну вроде ничего... надеть-то надену, а вот танцевать в ней...

Они усаживались на свои кровати, разглаживали светло-желтую ткань костюмов, переглядывались, пересмеивались; повзрослевшие девочки вернулись к прежним игрушкам...

– Ну, девчонки, рассказывайте же! – потребовала Лалик, как только танцовщицы расположились на отдых. От нетерпения она ерзала на диванных подушках, будто набиты они были не гагачьим пухом, а кусачими муравьями. – Начнем с тебя, Ксилла. Мне ан-Нуман говорил, что ты любимая танцовщица императора, других он и видеть не желает. Так сколько перед тобой шестов несут?

...В Суртоне, где жизнь была переполнена ритуалами и условностями, этот обычай был одним из самых древних. Жены влиятельных и богатых людей выходили из своих домов крайне редко, но уж если такое случалось, то выход в свет обставлялся со всей возможной пышностью. Госпожу несли в роскошном открытом паланкине, одета она была как храмовая статуя – так много было на ней драгоценностей, а платье не гнулось от тяжелой вышивки. Но ведь всех нарядов сразу не одеть! И дюжину серег в уши не вдеть, и больше пяти колец на палец не нанизать. Такая вот досада. Но суртонских красавиц она не донимала. Потому как существовал обычай, согласно которому перед паланкином с хозяйкой всего этого великолепия шли парами слуги, неся нутановые шесты, на которых были развешаны все-все наряды, шкатулки, в которых были разложены все-все драгоценности... Но, поскольку у суртонских вельмож на содержании бывало до десятка жен и несколько наложниц в придачу, то обычно хватало пары-другой слуг. Редко когда их было шестеро. Но все равно зрелище было впечатляющее.

– Так сколько? – любопытство переливалось в глазах Лалик радужной пленкой.

– Одиннадцать. – Скромно опустив ресницы, ответила Ксилла. – Пять шестов и шесть шкатулок.

Подруги только ахнули.

– Вот это да! – Лалик даже рот приоткрыла от изумления. – Ай да тихоня!.. Пожалуй, мне стоит рассказать об этом ан-Нуману, ежели ему придет в голову сопротивляться в ювелирной лавке.

– А что, он сопротивлялся? – посмеиваясь, поинтересовалась Гинивара.

– Да разве он посмеет!.. – и Лалик рассмеялась. – Теперь ты рассказывай.

Гинивара пожала плечами.

– У нас не принято рассказывать подробности о жизни храма. Скажу только, что верховный жрец мной доволен, доверяет мне главные партии утренних ритуалов. Вечерние мне пока не по рангу.

...Она говорила неторопливо, с усилившимся нильгайским акцентом. Рассказывала о красотах храма Калима – большей частью то, что и так было известно, о чудо-платьях из цветочных лепестков, о венках, расцветающих на головах танцовщиц, если богу оказывается угодно их искусство. Амариллис смотрела на нее и вспоминала рассказы Хэлдара – там был совсем другой Нильгау, и храм другой, где цветы не украшали, а душили. А Гинивара, не прерывая рассказа, раскрыла одну из своих дорожных сумок из толстой кожи, вынула из нее четыре свертка и принялась раздавать их подругам.

– Подарки! – и Ксилла заулыбалась и потянулась к собственным сундукам. Как и остальные девушки.

Гинивара привезла подругам статуэтки, мастерски вырезанные из душистого розового дерева. Все они изображали обнаженную по пояс девушку, стоящую в чашечке диковинного цветка, запрокинув голову и прижимая руки ладонями к груди в молитвенно-страстном жесте.

– Послушай, это же ты!.. – стреляя глазами от подарка к дарительнице, сказала Муна. – И жест это твой, ты им выпускной танец завершала.

– Может, и так. – Не стала спорить нильгайка, улыбаясь краешками губ. – Мастер волен в своих творениях. И я не могу запретить ему...

– Восхищаться собою. – Закончила за нее Муна. – Бедняга, мне жаль его. Девочки, это вам.

И она достала четыре серебряных зеркала. Небольшие, удобно укладываемые в футляры из тисненой кожи, не темнеющие, не пачкающиеся, превосходно отражающие – незаменимая в дороге вещь. Сбоку к футляру крепилась деревянная расческа, такая, от которой волосы не разлетались цыплячьим пухом, не цепляющая спутавшиеся волоски, ласковая и осторожная.

– Спасибо, Муна. Мой господин любит смотреть, как я расчесываю волосы... – Ксилла лукаво прищурила глаза, – А теперь моя очередь.

Маленькая суртонка аккуратно извлекла четыре легких деревянных коробки, раскрыла одну из них и потянула вверх какое-то невесомое, позванивающее переплетение шелковых нитей и фарфоровых фигурок.

– Поющие ветра. – Пояснила Ксилла. – Повесьте их в своей спальне и сон ваш будет сладок и спокоен, и воздух всегда будет свежим... конечно, если вы не забудете открыть окно. Не бойся, Амариллис, они очень прочные, мастера бросают их на каменный пол, прежде чем вплести в шелковые тенета. А еще они не спутываются. Как это получается, я не знаю. Вот, держите.

И она протянула Гиниваре переплетение пышных цветов, Лалик – золотистые звезды, Муне – белоснежные снежинки, а Амариллис – колокольчики и капли... не то дождя, не то слез. Девушки покачивали на вытянутых руках легкие, удивительно красивые никчемушки-безделушки, улыбаясь и благодарно кивая Ксилле.

– Наши подарки немного похожи. Твои на пол швыряют, а мои о камень колотят. – И Лалик вылила – иначе не скажешь – на колени к каждой из подруг шелковистый, переливчатый, шелестящий поток ткани. Это были настоящие шаммахитские покрывала – сотканые из тонких шелковых нитей, расшитые яркими солнечными узорами, эфемерно тонкие, полупрозрачные... На деле же это великолепие, по завершении всей работы, завязывали в узел, опускали в холодную воду Лаолы, а потом со всей силы колотили о прибрежные камни. Скручивали жгутом и снова – в воду и о камни. И так много раз.

– Поэтому вы можете не бояться порвать их или повредить узор, – поясняла Лалик, – дочкам по наследству передадите. Или невесткам подарите.

– Еще чего! – заявила Муна, обернув плечи зеленовато-голубым шелковым льдом. – Себе оставлю, духов в посмертии обольщать.

Настала очередь Амариллис. Помедлив, она достала небольшую шкатулку, открыла ее и глянула на подруг.

– Я долго не могла решить, что же подарить вам. Мне хотелось подарить что-нибудь такое, что будет напоминать нам о прежних годах, о школе... – и она вынула пять одинаковых медальонов черного золота на тонких цепочках. Четыре раздала подругам, пятый оставила себе.

В кольцо подвески была заключена фигурка обнаженной девушки, выполненная с необыкновенным для украшения мастерством. Девушка стояла, вытянувшись, поднявшись на носках и раскинув руки, словно балансируя на тонком золотом ободе. Она была похожа

на натянутую струну, ждущую прикосновения пальцев музыканта; казалось, она пробует пол, готовясь сделать первый шаг.

– Амариллис... ты с ума сошла, это же черное золото... – ахнула Лалик.

– Золото ерунда, старый лис Гэлвин всегда мне потакал. А вот уговорить эльфа-ювелира – это даже мне пришлось постараться. А ведь стоило, правда?

– Да уж... – Муна держала медальон перед глазами, восхищенно рассматривая ученицу Нимы.

– У нас в Суртоне принято, что одинаковые украшения носят только сестры... это чудесный подарок, Амариллис. – И Ксилла, застегнув на шее замочек цепочки, опустила кольцо подвески на грудь.

– Таких подвесок на весь Обитаемый Мир всего-навсего пять. Мастер обещал мне никогда не повторять их, а значит – наши единственные в своем роде... как и их хозяйки. Если ко мне придет кто-то с медальоном танцовщицы Нимы, я сделаю для него все, что смогу – как если бы меня попросила родная сестра. – Амариллис улыбалась, но тон ее был серьезен.

– И я. – Кивнула ей Муна.

– И мы все. – Гинивара провела пальцами по цепочке, ласкающим движением обвела контуры украшения. – Ты умница. Даришь нам память и родство. Были и будут и другие дочери Нимы, но мы, судя по всему, самые любимые.

Долго отдыхать в школе не было принято; от установленных правил не отступили и сейчас. Отведенного на отдых времени девушкам как раз хватило, чтобы перевести дух с дороги, обменяться подарками и самыми неважными новостями, обжигаящими кончик языка. Вскоре в дверь постучали и вошедшая Эниджа решительно потребовала, чтобы лентяйки отправлялись в малый зал. Не разжалобили ее ни слезные просьбы дать отдых старым костям Гинивары, ни подарки, с любовью выбранные каждой ученицей для госпожи танцмейстерши. Так и пришлось им вставать, одевать свою старую одежду (на Лалик что-то разошлось с сухим треском...) и спускаться вниз, как четыре года назад, на ходу разминая плечи, потягивая шею и вставая на цыпочки.

– Итак... – и Эниджа обвела танцовщиц требовательным и любящим взглядом, – Посмотрим, насколько вы успели облениться и запустить себя. Муна! А ты что же прохлаждаешься?! Шагом марш к зеркалу. Спину держи и руки не опускай. Лалик. Чем тебя кормят? Пшеничной кашей на меду со сливками? Гинивара, ты не в храме – так что не делай такого важного лица. Легче, девочка моя... А ты, Амариллис, вспомни, что умеешь улыбаться, что лицо скукожила... так-то лучше. Ксилла, ты все та же – опять позволила этим дылдам заслонить себя. А ну-ка, шаг вперед. Начинаем вечерний класс.

И они начали. Сначала улыбаясь и постреливая друг в дружку глазами и легкомысленными замечаниями, а потом со все большей серьезностью и уже молча... а потом на их коже заблестели первые тяжелые капли пота, дыхание утяжелилось. Они служили нежнуркой богине своими телами, ткущими узоры танца, оставляющими в воздухе шлейф трепещущих отражений. Но, так же, как шаммахитские покрывала нещадно колотили о камни, чтобы не поблек их узор и не разорвались их нити, так и танцовщицы Нимы без жалости и с наслаждением выгибали, растягивали и заставляли трудиться свои тела. Прежде чем послужить богине танцем, надобно это право заслужить, потом и болью.

– Пожалуй, достаточно на сегодня. – Эниджа не скрывала довольной улыбки. – Хорошо потрудились... хорошо. Утренний класс как обычно, сначала разминка, потом сами решайте, что и как будете танцевать. Но хочу вас предупредить: танцевать в святилище непросто, и редко когда там приходят на память отрепетированные композиции. Так что лучше поупражняйтесь

в импровизации. К тому же Хранители Мелодий вас слушаться не будут, поведут ту музыку, которую выберет для танцовщицы сама Нима.

– Понятно... – Амариллис перевела дыхание, вытерла рукой со лба капли пота. – Репетировать бессмысленно, музыку подбирать – тоже. Как будет угодно Ниме Мягкосердечной... А как насчет костюма?

– Тот, что на вас сейчас. Ну-ну, не пугайтесь так!.. – засмеялась Эниджа. – Любой, какой выберете. Все равно в святилище его придется снять.

– Это как? – изумилась Лалик.

– А вот так. Девочки, укротите свое любопытство, вы все узнаете, в свой черед. Ступайте, купальня ждет... – и Эниджа указала им на дверь.

В купальне на этот раз было непривычно тихо. Девушки расчесывали волосы, сидя на теплых каменных скамьях, смывали честный пот обжигающе-горячей водой, растирали кожу морскими губками, пропитанными соком мыльного корня, спускались в небольшой бассейн с теплой водой – и все это молча.

– Ох... что-то мне не по себе.

Эти слова Лалик прозвучали почти как просьба о помощи. Все повернулись к шаммахитке, расчесывающей свои косички, похожие на глянцевых черных змеек, и когда она подняла лицо, то на щеке ее были видны следы слез.

– Вы, наверное, скажете, что я дурочка и всегда ею была... Нет, я не спорю, но сегодня мне впервые стало страшно здесь, в школе Нимы. Я вот подумала – а что мы вообще знаем об этом ритуале? Помните, когда первый год нашего обучения был на исходе, тоже приезжали танцовщицы, их было не пятеро, как нас, а только трое.

– Помню. – Отозвалась Муна. – Нас тогда из школы выселили, вроде как на каникулы, в загородный дом Эниджи. Мы все сплетничали, ерунду всякую плели... не знали ничего, вот и выдумывали. Гинивара, ты у нас знаток всяких ритуалов, может, знаешь хоть что-нибудь?

– Не больше, чем ты. – Ответила нильгайка, полируя подошвы розовой пемзой. – Я и родные-то ритуалы не все знаю, потому как не ко всем допущена, а уж эти...

– Вот именно. – Лалик отложила в сторону гребень. – Что мы знаем? Нас вызвали спустя четыре года после окончания храмовой школы. Экзамены сдавать нам поздновато. Хвалиться мастерством? Перед друг другом, что ли? Зачем мы здесь? Амариллис, хоть бы ты что-нибудь разузнала у господина аш-Шудаха... А то как глупые курицы кудахчем – кого в пирог, кого на вертел?..

– Единственное, что я знаю – так это то, что мы будем танцевать в святилище Нимы, куда вход заказан всем, кроме нас. Даже если и опозоримся, никто этого не увидит. И я предполагаю, что ритуал нужен не только богине, но и нам самим. И еще... – и Амариллис, лежавшая на каменной скамье, подняла голову. – Никто и никогда не называл Ниму жестокой или кровожадной.

– Все равно страшно. – Но Лалик уже улыбалась. – Эниджа сказала, что костюмы придется снять. Я так танцевать не привыкла.

– Ах, бедняжка... Тогда каково же придется мне, ведь я последние полгода в шубе танцевала и в меховых сапогах! – засмеялась Муна. – Привыкла, а что поделать – зима в Крагле это тебе не южная слякоть, воздух как жидкое стекло, почти звенит!

– Правда? – доверчивая Лалик округлила глаза. – Так вот в шубе и танцевала? Тяжело же... и неудобно.

– Ничего, привыкла... – тут Муна не выдержала и рассмеялась. – Ну что ты, дуреха! В шубе только медведь пляшет. А для меня залу протапливали... перед некоторыми шесты с нарядами носят, а для других недельный запас дров за день сжигают. – И она подмигнула подругам.

– Может, нам все же стоит подумать о том, что мы будем танцевать для Нимы Нежнурой? – Ксилла вынырнула из бассейна, уселась на мраморном бортике, отжала воду из тяжелых волос. Только здесь, в купальне, суртонка иногда позволяла себе первой задать вопрос или быть несколько вольной в словах. – Или это будет как наше первой выступление – готовься не готовься, все одно провал...

– Вот и я о том же. – Лалик завязала волосы узлом и стала спускаться в воду. – Так все хорошо было, устоялось все, улеглось... И на тебе, опять что-то доказывать надо.

– А ты и впрямь разленилась. – Гинивара усмехнулась. – Домашняя толстая кошка. Привыкла перед своим ан-Нуманом задом крутить, танцевать, наверно, совсем разучилась... – поддела она подругу.

– Что?! – И Лалик, зачерпнув пригоршню холодной воды из стоявшего рядом с бассейном ведерка, швырнула ее в нильгайку. – Да я таких как ты десяток перетанцую! Если хочешь знать, я уже через месяц, после того, как малышку Зули родила, упражняться начала! Вот тебе! – И, схватив ведерко, Лалик выплеснула его на Гинивару. А та только засмеялась – Лалик перестала трусить, глаза ее загорелись, спина выпрямилась... этого и добивалась жрица Калима Пышноцветного.

Через секунду в тихой купальне развернулось настоящее сражение, сопровождающееся визгом и плеском, – танцовщицы похватили ведерки с холодной водой и принялись окатывать друг дружку почем зря. Ксиллу, только-только подсушившую волосы, столкнули в бассейн, на Муну вылили целый тазик мыльной пены для очищения волос. Нахохотавшись, девушки попадали в бассейн и началась обычная купальная болтовня, не омраченная неуверенностью или, тем паче, страхом.

Утро следующего дня девушки провели в зале, вспоминая все танцы, что когда-то танцевали сами или видели в исполнении друг друга. Они так увлеклись, что Энидже пришлось буквально выгонять их на отдых. Когда же наступил вечер и в комнате затопили камин (нынешняя зима даже для Шаммаха была теплой и комнаты протапливали только один раз), в дверях появилась госпожа Эниджа.

– Еще не умерли от нетерпения? Нима ждет вас. Идемте.

Вереницей танцовщицы следовали за своей учительницей. Плотнo закутавшись в плащи (не сговариваясь, кроме них они надели только самые простые джеллабы), шли по заснеженным дорожкам сада, мимо живых изгородей и беседок. Поднялись по широким каменным ступеням и вошли в узкую дверь, через которую когда-то, шесть лет назад они вышли из храма в тайный сад и пришли в школу. В зале было темно и тихо. Девушки осматривались, каждая вспоминала тот день, когда впервые перешагнула порог храма Нимы.

– Следуйте за мной. – Эниджа держала в руке светильник. Повернув за колонну, она начала подниматься по винтовой лестнице.

– Мы что, на крыше танцевать будем?... – шепнула Амариллис Муне, – Холодно же!

Как оказалось, она не ошиблась. Вслед за Эниджей все они вышли на крышу храма, плоскую, огражденную невысокой колоннадой. Строившие храм Нимы избегали резких линий и острых углов, и здесь колонны выстраивались в мягкий овал. Возле того места на крыше, откуда поднялись девушки, полукругом располагались каменные сидения; в противоположном углу находилась статуя Нимы. Богиня держала в левой руке, изогнув ладонь лодочкой, кристалл, похожий на Хранителя Мелодий, только раз в десять побольше, ладонью правой руки она придерживала верхушку камня. Легкое тело Нимы облегалo тонкое платье; складки и извивы ткани, искусно высеченные из белого камня, будто развевались под несильным ветром; босые ноги богини замерли – одна чуть впереди – готовые шагнуть, побежать, затанцевать... Выражение лица статуи должно было выражать спокойную приветливость, но в уголках ее мягко улыбающихся губ пряталось лукавство. Все пространство святилища заливал почти полуден-

ный свет храмовых светильников, наполненных смесью масла, золотой пудры и благовоний. Здесь было совсем нестрашно, и, пожалуй, даже тепло.

Повинуясь жесту Эниджи, девушки встали полукругом, возле сидений.

– Вы будете подходить к богине по очереди, когда она сама вас позовет. Надеюсь, вы помните о том, что одежда вам не понадобится. Ничего не бойтесь и постарайтесь особенно не задумываться... будьте искренни с Нимой Снисходительной – и не пытайтесь обмануть самих себя. Обычай танцевать для нашей богини поможет вам обрести потерянное, вспомнить забытое, исполнить невозможное. Нима заботится о своих дочерях... сегодня вы поймете это сами.

Эниджа подошла к изображению богини и, склонившись перед нею, положила к ее босым ногам гирлянду живых цветов (так вот зачем храму теплицы, как-то некстати мелькнуло в голове у Амариллис). Негромко прочла она слова молитвы, призывающей Ниму, и ободряюще кивнув своим ученицам, удалилась.

Танцовщицы несмело усадились на каменные сидения, едва переводя дыхание и глядя в пол. Ничто не нарушало тишины и уже через несколько минут девушкам стало казаться, что их заливают, заполняет теплый свет; мысли успокоились, дыхание выровнялось. Белый каменный пол, невысокие колонны, каждая увенчанная пылающей чашей, яркие цветочные лепестки у ног Нимы... Над головами пришедших острыми блесками посверкивало холодное декабрьское небо, но здесь похоже сами камни, напивавшиеся солнечным жаром, отдавали его, согревая темноту зимней ночи. Первой встала Гинивара. Она развязала плащ, уронила его на пол, распустила витой шнур, стягивающий ворот джеллабы, и выскользнула из просторной рубахи. Перешагнув ворох ткани, обнаженная танцовщица подошла к богине и замерла в ожидании.

Эта странная, ни на что не похожая одежда появилась словно из воздуха. Ноги танцовщицы от колен до щикотолок и руки – от локтей до основания пальцев – охватили тугие витки белых узких, словно металлических, полос. Бедра стянула повязка, грудь – узкий лиф из таких же лент. Гинивара, уняв дрожь, охватившую все ее тело, резко обернулась. Девушки, увидев ее наряд во всей красе, с трудом подавили возгласы удивления и испуга – чашечки лифа, наколенники, перед набедренной повязки были сделаны в виде человеческих черепов. На шее нильгайки белело костяное ожерелье, острые, цепляющиеся друг за друга клыки. Бронзово-кожая, черноволосая Гинивара, разукрашенная символами смерти и разрушения, предстала перед ними жестокой, не знающей пощады жрицей. Танец ее – по крайней мере, то, что остальные танцовщицы осмелились увидеть, от чего не отвратили испуганных глаз, – был иступлен и агрессивен. Гинивара нападала и разила без пощады. Первое же ее движение – резкий прыжок в сторону, сильно пригнувшись, почти стелясь по полу – заставил бы отшатнуться кого угодно; так прыгает с дерева черная пантера, тугим пряным комком смерти на плечи жертве, повергая ее бархатными беспощадными лапами ниц, без малейшей надежды на спасение. Едва переводя дыхание, Амариллис смотрела на давнюю подругу – сдержанная, насмешливая, пронизательная Гинивара, великолепно исполнявшая ритуальные танцы, продуманные, выверенные до еле заметного движения пальцев, металась по крыше храма, как дикий зверь по ненавистой клетке. Взлетев в невозможном прыжке, вдруг падала как подкошенная... чтобы вскочить, застав врасплох, настигнуть и растерзать. Что прятала в себе все эти годы жрица Калима Миролюбивого, что тлело под спудом в ее сердце?..

Когда пронзительная, раздирающая слух музыка иссякла и танцовщицы открыли глаза, то увидели, как их подруга бессильно опускается перед богиней, обнимает ее босые ноги и плачет...

– ...потому что нет таких сил, чтобы вынести равнодушие... – доносится до Амариллис.

Выплакав вскипающие, выжигающие глаза слезы, Гинивара возвращается на свое место, набрасывает на плечи плащ и замирает, сцепив руки на коленях.

На Лалик обрушивается золотая сетка, обтягивает ее руки, ноги... а на поясе с веселым звоном сплетается короткая юбочка из тонких золотых дисков. Такие же диски ложатся тяжелым ожерельем, от подбородка до груди. Ее танец оказывается самым простым – будто девочка танцует, не стараясь и не задумываясь. Движения Лалик легки и незамысловаты, но подруги смотрят на нее, не отрываясь – и улыбаются. Муна так даже начинает тихо подпевать кристаллу в руках богини. Улыбается и сама танцовщица; так ей тепло и отратно живется в этом мире... ее веселье не задевает, оно согревает прикоснувшихся к нему. Но и у Лалик есть что сказать богине; и вернуться, стирая светлые слезы.

Муна становится похожей на морскую царевну – корсаж из веточек коралла, а на руках, от локтя до мизинца – подобие прозрачных плавников. Ноги северянки будто одеты в высокие сапожки, ажурные и многоцветные; приглядевшись, девушки видят, что это ракушки. Она не сразу начинает танцевать, долго прислушиваясь к музыке. Поначалу плавная и ритмичная, как колыхание волн, музыка вскоре накрывает танцовщицу с головой. Не понять – сама ли морская дева вызвала эту бурю, или же шторм застиг ее врасплох вдали от родных мест... предупреждение ли это, подтверждение ли... Муна танцует, не слушая музыку, не подчиняясь ей – но явно переча, отвергая, пытаясь переломить ее рисунок. Амариллис кажется, что в глазах северянки плещется страх, а взмахи ее рук становятся похожи на судорожные движения тонущего человека... Как бы то ни было, Муна уходит, лишь коротко поклонившись богине, оборвав танец, не доведя его до финала.

Ксилла дольше всех ожидает воли богини. Ее наряд буквально прорастает из нее самой – это перья... маленькие, пушистые на груди и бедрах, длинные, легкие – венчиком на голове, и сильные, маховые – на поднятых руках. Когда суртонка танцует, слышен стон рассекаемого воздуха, и она временами надолго зависает довольно высоко от пола. Поначалу она боится, даже вскрикивает, не чувствуя под ногами пола. Но, мало-помалу, напряженные руки Ксиллы расслабляются... Они видят это: кисть, дрожащая от усилия держать жест любой ценой, пальцы, вытянутые, прижатые друг к другу плотно-плотно вдруг коротко, резко вздрагивают – будто пчела ужалила – и вот уже плывут, движутся мягко, бездумно... как подводная трава. Но все же танцовщица так до конца и не доверяется своим крыльям; она могла бы летать, но предпочитает не отрываться от земли.

Амариллис богиня призывает последней.

Переступить через одежду, будто через сброшенный кокон. Шагнуть раз, и другой навстречу – именно так, себе самой... Амариллис уже догадалась. Посмотреть вглубь искрящегося кристалла. Ждать.

Ждать девушке не пришлось. В ту же секунду ее наряд вспыхнул на ней – короткое, рваное по подолу платье из темного пламени, открывающее плечи. А на шее – ожерелье из обжигающе холодных льдинок... будто взяли воду из самого глубокого и темного омута, промерзавшую до самого дна, да и разбили, а остренькие иголочки и осколки смерзлись в причудливую цепь. Такие же черные ледяные браслеты украшают запястья и щиколотки Амариллис.

...Танцуй, иначе сгоришь... или замерзнешь... Танцуй, иначе остановится твое сердце и вслед за ним солнце вздрогнет – и скатится переспелой ягодой с опрокинутого блюда небес... Если ты помедлишь еще минуту, мир не вынесет этой муки, этого ожидания танца... он истлеет, рассыплется горстью праха на ветру. Сотвори его из огня и льда, пусть моря его

повинуются биению твоего сердца, пусть ветра его родятся от твоего дыхания... Станций этот мир, сотвори его – он весь в тебе, так выпусти его, позволь ему быть...

Она начинает кружиться – медленно, плавно, раскинув в стороны руки. Языки пламени лижут ее тело, лед посверкивает на осторожно переступающих ногах. Не прекращая кружения, она вскидывает руки и они словно оживают... рисуют в воздухе узоры созвездий, выпускают из раскрывающихся ладоней россыпи солнц. Вдруг Амариллис замирает, прижав ладони к груди. И, коротко вскрикнув, открывает их дарящим, отдающим жестом, протягивая ввысь зачерпнутый из глубины огонь. Она не торопится. Ей надо протанцевать легкую поступь весны, отстучать дробь торопливого летнего дождика, низко-низко проскользнуть колючей выюгой... и упасть осенним листом, кружась и замирая от предвкушения покоя. И снова встрепенуться – змеей, сбросившей кожу, птицей, пробующей ветер крылом, раскрывшимся цветком. И опять терять лепестки, умирать, угасать, иссякать... только для того, чтобы просыпаться, наполняться до краев, расцветать и дарить. Всю себя. И в тот миг, когда она чувствует себя наполненной до краев солнечно-виноградным биением жизни, все, что она отдавала – враз, сполна возвращается к ней. Амариллис останавливается, охватив плечи руками, еле дыша, боясь расплескать, не удержать дарованное...

Потом она, как и другие танцовщицы, вернулась на свое место, машинально набросила плащ. Странно, но Амариллис не могла вспомнить музыку, сопровождавшую ее танец. В святилище вновь воцарилась тишина, девушки сидели молча, даже не переглядываясь. И вот огонь в светильниках начал медленно угасать, тепло, исходящее от каменного пола, стало иссякать, и порыв январского ветра напомнил им, что время ритуала истекло. Танцовщицы покидали храм Нимы. Каждая, прежде чем ступить на ведущую вниз лестницу, подходила к белевшей в полумраке статуе, опускалась на колени, прижималась лбом к камню под ногами богини и – обещала, просила, благодарила...

Спустя несколько минут после того, как танцовщицы Нимы покинули крышу храма, из-за колоннады неслышно вышел человек. Двигаясь легко и бесшумно, он подошел к изображению богини. Светильники, стоявшие рядом с Нимой, почти погасшие, вдруг разом вспыхнули, будто приветствуя незваного гостя. А он спокойно вступил в круг света и учтиво поклонился богине.

– Мир тебе, Нежнорукая...

Это был молодой мужчина, лет двадцати с небольшим; высокий, длинноногий и при этом довольно широкий в плечах; бледный – но, возможно, в его бледности была повинна черная одежда. Волосы его, забранные в хвост на затылке, спадали на спину тремя светло-пепельными косами. Широкий ясный лоб говорил о том, что пришедший в храм отнюдь не дурак; черты лица, четкие и ясные, вполне располагали к нему. Все бы ничего, если бы не глаза. Прозрачно-ледяные, с черными точками зрачков, создающих впечатление томительного упорства, какие-то спокойно-бешеные... достаточно было заглянуть в них один раз, и становилось понятно, что парень этот – не из тех, кого выбирают в спутники на темной дороге, потому как такой сорви-голова непременно навлечет беду. Определенные сомнения вызывал и рот гостя – тонкие губы, сжатые в упрямую линию... с таким не договоришься, поскольку он и слушать не станет. Из оружия при нем был только два легких меча, крест-накрест за спиной.

– Прости, что явился без приглашения. Как видишь, мои манеры не улучшились. Благодарю, что позволила мне полюбоваться твоими танцовщицами... – он снова поклонился, прижав правую руку к груди, – Кстати, брат, которая из них твоя подопечная? – сказал незванный гость, слегка поворачивая голову влево.

Тот, кого он назвал братом, уже стоял рядом с ним. Слабо светились в темноте белые одежды, и синим огнем горели на смуглом лице глаза.

– Ты ничуть не изменился, Гарм. Появляешься там, куда тебя не звали, и ищешь тех, до кого тебе не должно быть ни малейшего дела.

Названный Гармом склонил голову и развел руками – извините, мол, так уж вышло...

– Как ты сюда попал? – свет синих глаз стал пронзительным, холодным; казалось, два луча выходят из глаз смуглолицего, упираясь в лоб Гарма.

– Обижаешь, брат. Я и в сокровищницу здешнего царька как к себе домой могу войти, не то что в матушкин храм. Охраны здесь никакой... даже странно.

– Ничего странного. – Собеседник молодого похвальбишки повел рукой, пробуждая угасшие светильники, – Об этом ритуале... пожалуй, лучше сказать – обычае, – никто не знает. Иначе бы места за колоннами стоили бы целое состояние, а Ирем внезапно наводнился князьями и королями со всего Обитаемого Мира. Это не зрелище, это таинство.

– Ты все такой же зануда, аш-Шудах. Но объясняешь хорошо. Так кто из них твоя рабыня?

– Что, хочешь перекупить?

– Денег неостанет... Неужели та, морская?.. Боюсь, она плохо кончит, слишком уж непослушна и своенравна.

– Северянки все такие.

– Ну не нильгайка же... такую даже я испугался бы. И не шаммахитка – на такое добро ты вряд ли бы потратился. Маленькая птичка? Трусовата...

Гарм жонглировал предположениями, не отводя глаз от лица аш-Шудаха.

– Здесь ты бессилен, Гарм. – Оборвал его рассуждения маг.

– Зачем же лишний раз напоминать мне об этом прискорбном обстоятельстве. И сам помню. Значит, она... – и он сжал виски тонкими пальцами. – Огонь и лед. Как ее зовут, брат?

– Амариллис. – Аш-Шудах ответил, будто предупредил.

– Красивое имя. И девушка хороша. Ну, не красавица, конечно, но танцует божественно. Я так думаю, матушка ею гордится. Я бы гордился, точно.

– Послушай, Гарм. – Маг прикрыл на мгновение глаза, возвращая им черный цвет. – Зачем ты явился сюда? Испытать в очередной раз мои силы и мое терпение? Помнится мне, нам случалось переведаться... давно это было. Неужто соскучился? – Глаза аш-Шудаха потемнели... исчезли белок и радужка, глаза стали как два провала... там клубилась темнота, иссиня-черная, подобная той, что заключена в самом сердце грозовой тучи.

– У нас договор. Ты не забыл? – Гарм не отступил и говорил спокойно, но как-то весь подобрался, как кот перед прыжком.

– Я ничего не забываю, Гарм. Ничего. Шаммахитская мстительность... – и аш-Шудах, явно передразнивая гостя, будто извиняясь, развел руками.

– Что ж... пожалуй, мне пора. Отвык я от холода, да и матушке надоедать не стоит... – и Гарм поежился от порыва ветра. Он почтительно поклонился Ниме, и удалился так же бесшумно, как и возник.

– Если с ней хоть что-то случится... – аш-Шудах пристально смотрел в сторону ушедшего.

– Ты знаешь, где меня искать. – Ответил мрак откуда-то из-за колонн; затем послышался звук легкого прыжка, прошелестели почти неслышные шаги... и затихли.

– Что ему нужно от нее? – спрашивавший подходил к аш-Шудаху так же легко, как убегал только что ушедший, но отнюдь не так неслышно. Каждое его движение сопровождал легкий, мелодичный звон колокольчиков, которыми были перевиты его волосы.

– Так-так... Все братья в сборе... были. – Аш-Шудах усмехнулся, поворачиваясь навстречу Лимпэнг-Тангу. – Давно ты тут?

– С самого начала.

– И ты его не заметил?

– Нет. Впрочем, он и в детстве всегда меня обыгрывал в прятки. Так что ему нужно?

– Ты слышал весь наш разговор. И, как всегда, предпочел в нем не участвовать.

– Не надо меня упрекать. – Лимпэнг-Танг отвернулся. – Это мой выбор, и я верен ему. И да не наступит тот день, когда я буду вынужден изменить себе.

– Что, тогда нам всем не поздоровится? – усмехнулся аш-Шудах.

– Именно так. Как ты думаешь, брат, каков будет мир без радости? Что станет с ним, если никто не будет посылать ему хоть немного веселья?

– Не знаю, но жить в таком мире я бы не хотел. Ты-то зачем тут?

– Как зачем? Я так разумею, Амарилис скоро покинет мою трупку. Вот, хотел пригладить новую танцовщицу.

– И как? Пригладил?

Лимпэнг-Танг вздохнул и, качая головой, рассыпал в морозном воздухе пригоршню серебристого звона.

– Увы мне... Я думал, Муна согласится вернуться, она уже проводила сезон вместе с моими детьми. Но я боюсь, она навлечет несчастья на трупку, уж очень злая у нее судьба. А остальные девушки слишком привязаны к своим родным местам.

– Может, Гинивара?

– Не имею привычки отнимать жриц у других богов. А ну как обидится? Да и вряд ли у нее получится, ее зрители привыкли молиться, мои – наслаждаться.

– Она очень талантлива. И я не думаю, что она вернется домой, в храм Калима. Устала молиться и тоскует по радости... возьми ее. Не пожалеешь.

Лимпэнг-Танг внимательно посмотрел на мага.

– Только при одном условии. Костюмы ей буду подбирать я сам! – и засмеялся.

После ритуала танцовщицы прошли в свою комнату и – все как одна обессиленные, переполненные и опустошенные одновременно – почти что упали в постели с одной лишь мыслью – спать... Проснулись они поздно, чуть ли не за полдень. Разбудила их Эниджа.

– Будет вам спать... вставайте. Марш в купальню, а потом милости прошу ко мне. Мой повар начал заготавливать сладости для вас неделю назад, и успел столько их наделать, что даже Лалик хватит.

Покои госпожи Эниджи отличались от подобных им комнат в богатых домах разве только нетипичной для Шаммаха цветовой скромностью: все в них, начиная от стен и заканчивая подушечками, было либо сливочно-белым, либо тепло-терракотовым. Пришедших ожидал низкий стол, с немыслимой щедростью накрытый всевозможными сладостями; несколько десятков блюд, вазочки, кувшины и подносы теснились будто армия, готовая нанести решительный и беспощадный урон талиям танцовщиц.

– Ох ты, Нима Соблазнительница!.. – вытаращила глаза Лалик. – И как тут устоять?! Завяжите мне глаза, заткните нос и свяжите руки – да покрепче!

– Не переживай так, Лалик... – Эниджа пригласила учениц усаживаться. – Сегодня все можно. Я разрешаю... – и засмеялась. – Знаете, я нахожу особое удовольствие в таком вот попирании запретов и нарушении правил – эдакая сладкая вольница...

Девушки расселись вокруг стола, устраиваясь поудобнее на маленьких подушках, и в нерешительности уставились на расстилавшуюся перед ними губительную благодать.

– С чего бы начать? – и Гинивара пошевелила пальцами над столом. – Кто первый?

– Начни с хлеба богачей... – посоветовала Лалик, придвигая к себе тарелочку с чем-то воздушно-розовым и указывая подруге на блюдо, на котором золотились даже на вид хрустящие кусочки, покрытые плотным сливочным пудингом. – Слопаешь пару ложек, ничего другого уже не захочешь... потому как объешься!

– Ммм... госпожа Эниджа, а что добавляет ваш повар в абрикосовые шарики? – Амариллис держала маленькое оранжевое пирожное, сделанное из сушеных абрикосов самых сладких сортов, миндаля, хрустящего риса и кокосовой муки.

– Розовый сироп, а не яичный белок, как это делают в харутских кондитерских. Нравится?

– Очень... – И Амариллис потянулась за следующим шариком.

Ксилла, разливая в маленькие чашечки горячий чай, выглядела донельзя довольной. Ведь это она привезла его сюда, в Ирем, здесь такого даже за большие деньги не купишь. Чайные листочки, свернутые жгутами, из которых умелые пальцы суртонок сплели настоящие хризантемы. Одного такого чайного цветка с избытком хватало на целое чаепитие; цветок надлежало сначала хорошенько пропарить в плотно закрытом чайнике и лишь затем залить – осторожно, не торопясь и не помышляя о дурном и суетном – водой, вскипевшей и две с половиной минуты назад снятой с огня. Аромат такого чая, если вдыхать его, склонившись над фарфоровой чашечкой, прогоняет печали и успокаивает сердце. Для Ксиллы, суртонки до кончиков пальцев, чаепитие было подлинным священнодействием, поэтому, когда она увидела, как Муна разбавляет горячий напиток сливками, то не преминула высказать ей все, что думает о варварстве северян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.